

Галина Погодина

Войн Гвѣта

Галина Погодина

Воин Света

«Автор»

2026

Погодина Г. В.

Воин Света / Г. В. Погодина — «Автор», 2026

Взялась писать книгу про Андрея Боголюбского, потому что это очень недооцененная личность и я устала читать всякую дичь, которую пишут про него. Пришлось проработать летописи методом логического, хронологического и психологического анализа: очевидно, что их составляли разные люди, и не все преследовали цель сообщить правду. Среди явных нестыковок много общепринятых утверждений вроде убийства Долгоруким боярина Кучки, или изгнания Андреем своих братьев, или совсем дикая версия Рязанской хроники о сбегании Андрея в одном сапоге от рязанского князя. Также и год рождения Андрея по соотношению к известным датам явно ближе к 1125, как утверждает С.Л.Фирсов, а не 1111-й.

© Погодина Г. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвёртая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	31
Глава седьмая	36
Глава восьмая	42
Глава девятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Галина Погодина

Воин Света

Глава

*По благословению и при содействии иерея Кирилла Краева,
настоятеля храма св. блгв. Князя Андрея Боголюбского на Волжском*

Глава первая

Над Новгородом гудел вечевой колокол. Жители собирались на площади перед Святой Софией, чтобы решить, должны ли они по призыву Мстиславичей выступить в поход против князя Юрия, прозванного Долгоруким. Хотя на самом деле всё уже давно было решено, прибывали рати из Пскова и Ладоги, а на посаде под детинцем разместился отряд немецких наёмников.

Всё осложнил митрополит Михаил: он не поленился в январские морозы примчаться из Киева, чтобы остановить нападение на суздальцев. Его призвал епископ новгородский Нифонт, который посчитал, что желание Всеволода и Изяслава Мстиславичей отобрать у собственного дяди его удел - крайне рискованная затея, вдобавок разыгранная латинянами, поэтому новгородцам совершенно нет смысла туда ввязаться.

Морозным январским утром митрополит в сослужении Нифонта правил литургию в Софийском соборе и произнёс проповедь, призывающую к миролюбию. Михаил был византийцем и за восемь лет жизни на Руси так и не научился говорить по-русски со всеми украшениями, но сейчас именно простота его слов оказалась более уместной, чем многохитрые речи, наполненные изречениями великих подвижников православия.

- Чада мои возлюбленные! Тот, кто несправедливо алчет чужого добра, волею Господней может сам лишиться всего, хоть даже самой жизни. Архонт Юрий любит строить, а не воевать, но он не безобидный агнец, а знатный стратилат. Ваши приготовления не могут пройти безвестно для него, и он встретит вас огнём и мечом. Ведомо мне, что вы разобижены на него за цены на зерно, но ведомо и вам про то, что нет мира в русской земле, пути небезопасны, потому и вздорожал хлеб. Усерднее молитесь Богу, покайтесь в грехах своих, не допустите братней которы!

Митрополит старался убедить паству в несправедливости нападения на Юрия и опасности такого предприятия, которое непременно будет стоить жизни многим новгородцам. Он скользил опытным взглядом по толпе прихожан и с тревогой отметил холодное безразличие на лицах Изяслава и Всеволода. Братья Мстиславичи явно не собирались отказываться от нападения на Суздаль. Оставалось лишь надеяться, что на вече победит разум.

После причастия народ повалил из храма на площадь. Там уже кипели страсти, и ледяной ветер не мог остудить горячие головы. Нежата Твердятич, вятший с Людина конца, вскочил на помост.

- Вы осердились на Юрия за то, что он поднял цены на хлеб. Ну так посмотрите на других князей: и Василько Полоцкий поднял цены, и Ростислав Мстиславич Смоленский! Почему не пойти его повоевать? Потому что он брат Всеволода с Изяславом?? Владыка всё верно сказал! Не склоняйтесь на лстивые речи!..

- Ты, Твердятич, ходишь в друзьях с суздальцами, это давно все знают! - выкрикнули из толпы.

- А ты, Коснятин Микулич, в друзьях с Изяславом! Да только не в том дело, а в пользе для Господина Великого Новгорода!..

Нежата хотел было продолжать, но на помост взбежали двое дюжих молодцев и без лишних слов потащили его вниз.

- Посадник! Пусть скажет посадник! - раздались крики.

Посадник Иванко Павлович взобрался на помост и поднял вверх обе руки, приветствуя вече. Это был крепкий, высокий человек, одетый богато даже по меркам Великого Новгорода. На нём был опашень персидской парчи, подбитый соболем, соболина же шапка, зелёные сапоги из тонкой кожи; на указательном пальце левой руки сверкал перстень с крупным индийским лалом. Его маленькие голубые глаза сверлили толпу.

- Дело митрополита - утишать страсти, дело ратных мужей - биться за Великий Новгород! Уступим сейчас Юрию - он и дальше не остановится, нанесёт нам всем обиду и разорение. А посадим в Суздале Изяслава Мстиславича - будут для нас те цены на зерно, какие мы захотим! Всё отдадут - себе не оставят, а Господин Великий Новгород удовлетов! Княже Всеволод Мстиславич! Скажи им!

Величественный, статный князь Новгородский встал рядом с посадником и окинул толпу властным взглядом, дожидаясь тишины. Его тёмные кудри были тщательно причёсаны, необычно длинная борода надушена и уложена волосок к волоску. Он уже успел надеть роскошную кольчужную бронь с золотым письмом, словно показывая свою готовность немедленно выступить в поход.

- Мужичи новгородские! Стою я здесь сейчас с вами и думаю: нет больше нигде на Руси таких буйных голов, которые могут хоть князя окоротить, а хоть да и самого митрополита! В Ростове, Киеве и других городах вече с трудом собирается, людишки сидят по домам - ждут, когда за них всё решат, вот и ходят в лаптях да посконине. А новгородцы гордые! Силой своею да смелостью заработали вы свои бобровые шубы, алые сапоги да шапки. И сейчас как скажете, так оно и будет. Захотите - останемся в городе да пошлём Юрию покаянную грамотку, мол, сжалуйся над нами, сырыми да убогими, продай хлебушко подешевше! Или пойдём и сами всё заберём, что нам надобно!

- Верно князь говорит! Сильнее и богаче Великого Новгорода нет города на Руси! - заорал один из посадских, что тащил с помоста Нежату.

- Ничё! Пойдёт вся сила новгородская. Псковичи, ижора, колбяги. Даже немцы пожаловали! Неужто одного Юрия да не побьём?

- Сходим за зипунами, пограбим! Суздальское княжество богато!

В это время митрополит и епископ молились в пустом соборе, но до них то и дело долетал рёв толпы.

- Боюсь, не вняли жители Новгорода гласу разума, - вздохнул Михаил, поднимаясь с колен.

- Я исповедовал некоторых из тех, кто кричит сейчас на вече, и уяснил, что источник всей этой смуты - Изяслав Мстиславич. А сам он и не сознаётся, вот что страшно.

- Гордыня и алчность овладели людьми!

- Это началось не сегодня, владыка. Отец Всеволода и Изяслава, князь Мстислав, был старшим сыном Владимира Мономаха. Он задумал нарушить лестничное право и оставить великое княжение в своём роду. Изяслав продолжает его дело, и помешать ему может только суздальский князь Юрий Долгорукий, шестой сын Мономаха и известный законник. Потому и задумали эту рать - чтобы убить Юрия и захватить его княжество. Хуже всего то, что руками Изяслава действуют латиняне. Известный франкский проповедник Бернхард Клервоский прямо требует уничтожения православия, а ведь он один из создателей ордена тамплиеров. Поход на Суздаль будет началом крестового похода на Русь.

- Этого нельзя допустить. Я сам поговорю с Изяславом.

Перед выходом на улицу оба иерарха набросили на плечи шубейки и вдели ноги в валенки. До Владычного двора было всего несколько десятков шагов, но январский мороз не давал спуска. Вече проходило с другой стороны собора и уже начало затихать. Михаил и Нифонт, обменявшись поклонами, разошлись по своим кельям, за ними следовали служки. Но когда Михаил спустя некоторое время захотел снова выйти на улицу, его дверь оказалась запертой снаружи. Приложив ухо к двери, он отчётливо услышал лязг оружия и отрывистые команды на незнакомом языке. Митрополит оказался в плену, и где - в русском православном городе! С похолодевшим сердцем он опустился на колени перед аналоем и принялся горячо молиться.

Боярину Нежате Твердятичу, который противился походу, пришлось несладко. Народ разграбил его хоромы, избил его слуг, а сам Нежата со своими сторонниками бежал в Суздаль, к князю Юрию.

Рать выступила сразу после Крещения в составе трёх конных полков. Первым командовал посадник Иванко Павлович, вторым - тысяцкий Петрила Микулич и третьим - князь Изяслав Мстиславич. Главным воеводой был князь Новгородский Всеволод. Чтобы захватить Юрия врасплох, новгородцы двигались не по лесным дорогам, а по замёрзшим рекам. Ради того, чтобы у коней ноги не разъезжались на льду, на их копыта были набиты подковы с шипами. Длинная змея всадников то выползала на гладь озёр, то снова втягивалась в узкие речные долины, окаймлённые лесом. Через шесть дней, когда до цели оставалось не так уж много, передовой разъезд примчался с сообщением, что наткнулся на суздальский лагерь с разожжёнными кострами: видимо, войско Юрия ещё не трогалось с места после ночёвки. Всеволод приказал поспешить, и вскоре огромная новгородская рать начала разворачиваться на пологом берегу реки Кубри. Теперь стало очевидно, что рать суздальского князя в несколько раз уступала по численности и вдобавок частично состояла из пешего крестьянского ополчения.

- Юрий-князь и войско-то не смог собрать как следует, - глумливо произнёс тысяцкий.

- Эти смерды только на то и годятся, чтобы выращивать хлеб для Господина Великого Новгорода, - презрительно откликнулся Всеволод. В ответ раздался дружный смех.

- Что ж, мы разобьём Юрия здесь, а потом без препон возьмём Суздаль и Ростов, - повернулся к нему Иванко Павлович.

Несмотря на свои насмешки, новгородские воеводы не ожидали от Долгорукого такой расторопности - что он не только прознает об их походе, но и успеет собрать полки. Они рассчитывали стремительно пройти до самого Суздаля, рубя бегущих и захватывая полон. Но не зря это были лучшие полководцы Великого Новгорода, и они с единого взгляда оценили преимущества местности. Поблизости находилась возвышенность - пологий безлесный холм, и нападавшие заняли его, чтобы оттуда обрушиться на князя Юрия и стереть в порошок его разномастное воинство. Ко всему прочему, со стороны горы дул сильный ветер, который не позволил бы суздальской рати полноценно воспользоваться луками. Всё это внушило новгородцам уверенность в лёгкой победе.

Суздальцы начали строиться в боевой порядок, но всё получалось у них странно и неловко. Конница долго топталась вперемешку с пешим ополчением. Петрила Микулич, который со своим полком находился ближе всех на склоне холма, надменно усмехнулся, выхватил саблю и поднял вверх сверкающий клинок.

- Други! Умрём за Святую Софию! - прокричал он.

- Сузда-а-а-аль! - раздался в ответ мощный рёв воинов Юрия.

Первый полк новгородцев помчался, чтобы с налёту сокрушить вражеский центр и пробиться к княжеским стягам. Вес склон покрылся валом конницы и лесом клинков, сверкающих на зимнем солнце. Расстояние стремительно сокращалось, и вот уже стало возможно различить лица суздальских ратных. Петрила наметил себе для первого удара молодого всадника в нарядных алых штанах, который ухмылялся и держал наготове лук. Его меч был в ножнах - что ж, тем хуже для него! Новгородский тысяцкий крепче сжал рукоять, готовясь к сшибке, но суздальцы внезапно расступились, так что полк Петрилы, не встречая сопротивления, проскочил далеко вперёд и оказался в окружении. Пока озадаченные новгородцы оставляли разогнавшихся коней, ратные князя Юрия принялись бить по ним из тугих луков и метать сулицы с такого малого расстояния, что легко попадали в уязвимые места, сбивая с сёдел одного за другим. Теперь ветер дул туда, куда им было нужно! Вдобавок подступило пешее ополчение, орудуя вилами и медвежьими рогатинами на длинных древках - под этими ударами окольчуженные новгородские всадники десятками падали в окровавленный снег. Под Петрилой Микуличем убили коня, а сам он получил рогатиной в шею, в последние мгновения

своей жизни успев понять коварную тактику князя Юрия, который мастерски заманил новгородцев в ловушку.

Конники Петрилы, опомнившись от замешательства, атаковали было суздальцев, но тут в них врезался полк Иванко Павловича и секундами позже - полк Изяслава. Все они боялись опоздать к разгрому противника, мчались налётом и не смогли вовремя остановиться. Новгородцы сбились в кучу, отчаянно толкаясь и мешая друг другу. Однако их всё ещё было намного больше, чем ратных князя Юрия. Те, кто не был стиснут толпой, кинулись врукопашную, чтобы порубить на куски досадных суздальских мужиков с их рогатинами, но суздальцы быстро перестроились, и теперь новгородцев встретила окольчуженная конница с мечами и саблями. Однако не успел разгореться бой, как откуда-то сверху раздался грохот сотен копыт и рёв: «Сузда-а-аль!». По растоптанному снегу с горы мчалась конная лава - на этот раз под стягами князя Юрия. Оглянувшись, Иванко Павлович в ужасе задержал свой клинок, и этого мгновения хватило, чтобы воин, с которым он бился, ударил копьём ему в бок, прорвав кольчугу. Безвольное тело новгородского посадника соскользнуло под ноги лошадей.

Изяслав крутился на своём коне, стиснув зубы, отбиваясь выщербленным мечом и уже понимая, что бой вчистую проигран. В отчаянии он бросал взгляды по сторонам, но повсюду были вражеские ратные. Вдруг они расступились, подняв вверх клинки, и перед Изяславом возник высокий всадник в роскошном гранёном шлеме и волчьей шубе поверх дорогой кольчатой брони. Он подъехал ближе, не вынимая оружия, и Изяслав со смятением узнал в нём князя Юрия Суздальского, у которого он хотел отобрать удел. «Всё. Сейчас он прикажет меня убить», - мелькнуло у него в голове.

- Зачем привёл ты рать на мои земли, Изяслав? «Каждый да держит отчину свою» - твой дед, а мой отец Владимир Мономах сказал это не просто так, от желания язык почесать, а чтобы защитить Русь от кровопролития. Оглянись по сторонам - чего ты добился гордынею своей!

Действительно - вокруг грудились сотни окровавленных тел новгородских воинов, и суздальские ополченцы вместе с обозной прислугой уже начали бойко собирать с них что поценнее. Изяслав готов был плакать от страха и унижения и не поверил своим ушам, когда Юрий повёл рукой в кожаной рукавице и произнёс:

- Уходи откуда пришёл и... подумай, что натворил!

Не дожидаясь вторичного разрешения, Изяслав развернул коня и помчался прочь от места битвы. Юрий мрачно посмотрел ему вслед и принялся отстёгивать ремни шлема.

- Якун! Эгей, Якун Ратиславич, где ты! - гаркнул он, оглядываясь по сторонам.

- Вот он я, княже, - к Юрию подъехал молодой воевода, который руководил засадным полком. Его ресницы побелели от инея, лицо было красным от холода, но абсолютно счастливым.

- Благодарствую, Якун! Точно поспел! Не поморозились твои ратные там, за горой?

- У! Едва к сёдлам не примёрзли, пока дождались этих новгородцев! Вот уж нерасторопные михрютки, прости Господи! И костры ведь было не разжечь!

Усы князя Юрия тронула улыбка.

- Ну, теперь это место надо звать Жданой горой, и никак не иначе.

На тонконогом пегом коне подскакал Иван, сын суздальского тысяцкого Георгия Шимонича.

- Княже! Юрий Владимирович! Глянь - новгородский обоз привели! - весело прокричал он, махнув рукой в сторону реки.

Князь развернул коня и увидел, как по льду Кубри тянутся многочисленные сани, влекаемые сильными лошадьми.

- Половина пустая, это они для добычи. Нас грабить, значит, - отметил Иван.

- Ходили по шерсть, воротились стрижены... Ладно! Нужно отпеть и похоронить православные души. Распорядись жечь костры, чтобы отогреть землю. Кто есть погибший из суздальцев, везём домой.

- Попировать-то согласишься, княже? Новгородская закуска добрая, а мёд ещё добрее!

Юрий поднял руку в знак разрешения. Ратные с радостным гулом принялись потрошить возы.

Изяслав погонял коня, пока не добрался до леса. Здесь он наткнулся на бегущих наёмников, которые состояли в его полку. По их предложению он собрался было ехать с ними в земли немецкие, но уловил из разговоров, что они намерены выдать его своему магистру в качестве виновника неудачного набега. Поэтому он не поехал дальше Смоленска, где княжил его брат Ростислав.

Митрополита Михаила новгородцы освободили и с покаянием покорно приняли епитимью, назначенную им разъярённым Нифонтом. Всеволод Мстиславич бежал с поля боя и вернулся в Новгород, где попал под раздачу очередного вечевого схода. Разгневанные новгородцы изгнали его из города.

С той поры прошло одиннадцать лет. Согласно лествичному праву великим князем должен был стать Вячеслав Владимирович, князь Туровский и Пинский. Но этот сын Владимира Мономаха был известен своим слабым характером, и с ним никто не считался. Вячеслав просидел в Киеве меньше месяца, когда его без особых хлопот прогнал Всеволод Ольгович Черниговский. Это был талантливый полководец и деятельный политик, однако он имел неосторожность наладить сбор податей с богачей Киева и Вышгорода, чем вызвал недовольство бояр, именитых купцов и еврейской общины. Богатеи стали думать, кем бы заменить неугодного им великого князя, и им не пришлось долго искать.

Изяслав Мстиславич, который был инициатором похода на Суздаль 1135 года, утих лишь временно. Он княжил в Переяславле - старинном городе на Днепре, но часто навещался в Киев, поскольку его сестра Мария была замужем за великим князем. Здесь Изяслав тайно налаживал связи с местными богачами, обещая им все возможные льготы и освобождение от податей, лишь бы только они поддержали его в стремлении к великокняжеской власти.

Глава вторая

Небольшая дружина на рысях шла по лесной дороге. Ехали без обоза, только с заводными лошадьми, на спины которых были приторочены мешки с поклажей. Породистые боевые кони чётко держали ритм. Всадники не снимали брони: они двигались по границе Рязанского княжества, где нельзя было исключать вероятность засады. Но вот остались позади две-три деревеньки, утопленные в землю по самые окна, три-четыре брода, которые лошади прошли, взметая хрустальные брызги и почти не сбавляя хода. Теперь путь пролегал по лесу, где огромные ели закрыли всадников от жаркого летнего солнца. Здесь то и дело перебежали дорогу рыжие белки, а один раз отряд спугнул стадо косуль.

Во главе дружины ехали двое молодых воинов, за их спинами развевались алые плащикорзна. Это были сыновья князя Суздальского. Старший, Ростислав, отличался крепким сложением, его лицо было властным и решительным. Младший рядом с ним казался совсем юным, его прозрачные голубые глаза были устремлены на дорогу, тонкие пальцы легко держали поводья. Он взглядывал искоса и старался держаться немного позади, но старший придержал своего вороного коня.

- Андрей! Как по-твоему, Изяслав угомонится теперь, когда Всеволод Ольгович заставил его целовать крест Игорю как своему наследнику и следующему великому князю?

- Если его не остановил разгром на Жданой горе, не остановит и это. Игорю нужно быть осторожным.

- О-о-о да, на Ждан-горе отец показал себя крутым воеводой! Разметал врагов, как сухие листья по оврагам. Ты ещё был отроком, а я помню, что по весне из сугробов вытаивали ладожане, псковичи, немцы, но более всего досталось новгородцам. Был убит тысяцкий, посадник, вятских сотни три, а простых воинов и не счесть! И сам князь Всеволод Мстиславич бежал с поля боя...

- И умер через три года, с позором изгнанный из Новгорода...

- Я когда княжил в Новгороде, такого наслушался про Мстиславичей! Пленённого ими владыку они выпустили с поклонами, мол, прости нас, дураков неразумных, это нас ты хотел защитить, а мы-то не поняли! Но нашего отца новгородцы боятся и помогать нам не хотят...

- Новгородцы знатно присели после Жданой горы, но Мстиславичи не успокоятся. Слишком давно они готовились к захвату власти на Руси. Просто будут действовать иначе. Нужно готовиться к большой войне.

- Вот кого Долгоруким надо было прозвать, а не отца нашего. Отец города строит, а старший Мстиславич только и смотрит, чего бы чужого захватить!

- Ты прав, брат. Если не окоротить Изяслава, следующий крестовый поход будет на Русь. Латиняне не отпустят его с крючка, пока он не поможет им сгубить православие, - сумрачно ответил Андрей.

- Ну-у, это ты загнул. Православие никуда не денется!

Ростислав выразительно повёл плечами, привстал в седле и погнал коня намётом.

- А почему отец велел нам скакать в Кучково, а не в Суздаль? - спросил Андрей, когда снова догнал брата.

- Видать, не хватает ему там воинов, нужна наша дружина.

- Или Степану Кучко зачем-то люди понадобились.

- Ну-у не знаю. У него восемь деревень вокруг Суздаля - народ-то есть.

- Где Суздаль и где Кучково. Да и крестьяне заняты в полях: сенокос...

Сумрачный еловый лес сменился сосновым, дальше по пути всё чаще встречались светлые берёзовые рощи. По земле скользили яркие солнечные пятна. Извилистая дорога привела всадников на вершину холма. Андрей отбросил назад растрепавшиеся волосы и подставил раз-

горячённый лоб свежему ветру. Ростислав дёрнул уздечку, его конь мотнул головой и перешёл с рыси на шаг.

- Тьфу, ну и жара. Мой конь уже шатается. Нужно сделать привал.

Андрей скосил глаза на взмыленную морду братнего коня. Старший Юрьевич всегда то чрезмерно гнал своего скакуна, то резко его осаживал, в то время как Андрею не требовалось никаких усилий для того, чтобы его конь шёл так, как ему хотелось. И сейчас он свободно сидел в седле, немного откинувшись назад и опустив уздечку, а его Позвизд плавно замедлил ход.

- Дорога пошла на спуск. Наверняка внизу будет речка. Если берег удобный, можно и отдохнуть.

Так и оказалось: среди кустов ивняка по песчаному ложу протекал полноводный ручей. Ростислав привстал на стременах, осмотрелся и указал в сторону открытого пригорка, поросшего розовой кашкой и одуванчиками. Всадники с топотом подъезжали, спешивались, водили и стреноживали коней, отвязывали от сёдел котомки; одни направлялись с секирами в лес, другие ловко раскладывали длинный костёр из валежника, третьи сооружали шалаши для ночёвки. Вскоре в походных котлах варилась каша с вяленным мясом, а воины тем временем отдыхали, плескались в ручье и собирали спелую малину, которой были усыпаны кусты вокруг лагеря. Вскоре ужин был готов. Проголодавшиеся дружинники, смеясь и пихаясь, столпились вокруг котлов с берестяными мисками в руках. Это были молодые, сильные парни, под стать своим полководцам-княжичам.

На следующее утро часовые подняли всех ещё до рассвета. Под угасающими звёздами длинная змея конной дружины с глухим топотом двинулась в путь, нарушая сонную тишину леса. Когда раскалённый солнечный диск уже поднялся над холмами и началась дневная жара, Ростислав выехал на опушку и резко осадил коня. Перед ними струилась река, через неё вёл на другую сторону наплавной мост. На пологом берегу лежали лодки, сновали конные и пешие люди, лошади, телеги. Ростислав привстал на стременах, пытаясь понять, что там происходит. Андрей полуобернулся в седле, проверяя, все ли в сборе.

- Все здесь, Андрей Юрьич! – слегка запыхавшись, доложил его мечник Михн, почти-точно коснувшись шапки. - Река Москвой зовётся. Нам на тот берег.

Ростислав поднял руку, и отряд двинулся к мосту. Крестьянские возы шарахнулись в стороны, пропуская воинов. На другом берегу дорога вела на подъём. Ростислав прищпорил коня и взлетел на вершину невысокого холма. Повернулся к подскакавшему брату и указал подбородком:

- Кучково!

На холме стояла деревенька, окружённая невысоким частоколом. Из гущи молодых яблоневых садов выглядывали избы, среди них торчали островерхие крыши боярских хором. Навстречу неторопливо выехал всадник средних лет, в полотняной рубахе навыпуск и с непокрытой головой. Несмотря на простую одежду, гордая осанка и властное выражение лица выдавали в нём не простого человека. Ветер трепал его вьющиеся рыжеватые волосы и тщательно подстриженную бороду.

- Хвалю, что не умедлили! – произнёс он довольным голосом.

Всадник повернул коня и так же спокойно поехал назад, увлекая за собой вновь прибывших. Запылённые воины попарно двинулись за ним. Княжеских сыновей разместили в горницах боярских хором, для дружинников уже были готовы палатки на берегу речки Неглинки. Прислуга потащила на поварню кур и поросят. Пока готовился пир, гостям растопили баню. Ростислав первым стащил с себя пыльную, пропотевшую одежду и полез в парную.

Помывшись, княжичи занялись своей внешностью. Для них уже были готовы раскладные стулья, банщики накрыли их плечи рушниками и вооружились ножницами. Через полчаса Ростислав с удовлетворением любовался своими подстриженными, подвитыми усами и

умашённой бородой. Но Андрей, вопреки канонам мужской красоты, предпочитал стричься достаточно коротко, особенно это касалось бороды и усов.

- Ну и что ты опять всё состриг-то? - поинтересовался Ростислав. - Выглядишь, как наказанный за разгильдяйство послушник монастыря.

- Лучше я постригусь покороче, чем потом полдня буду добывать из зарослей на лице остатки трапезы, - невозмутимо отозвался брат.

Княжичей провели в просторную расписную повалушу. Слуги торопливо накрывали столы и вносили недостающие лавки. Низенький, полноватый боярин и высокий, атлетически сложенный князь уже были здесь и увлечённо беседовали, стоя в нише возле окна. Для пира в честь прибытия сыновей Юрий оделся роскошно: на нём был охристо-жёлтый парчовый кафтан поверх малиновой шёлковой рубахи, расшитые жемчугом лёгкие поршни, шёлковый пояс с кистями и драгоценное эмалевое ожерелье византийской работы. Андрей двинулся было к отцу, но Ростислав уловил несколько слов и удержал брата за руку.

- Смотрю, возмужал уже и Андрей, - задумчиво произнёс Кучко.

- Да... Двадцать второй год пошёл. Ростислав всё по девкам бегал, пока не женился, а Андрей – боголюбец, почитает иноков, подолгу молится... В прошлом месяце такое отчудил - к княжому дворцу пришли прокажённые, плакаться о своей нищете. Ключник погнал было их прочь. А тут как раз Андрей с охоты возвращался. Так рывкнул на ключника - тот чуть не обделался и рысью побежал за милостыней. А Андрей тем временем принялся со слезами утешать тех прокажённых, даже брать их за руки... Праведник, одно слово. Ищу ему жену, да княжон нет на примете. Часом боюсь, как бы в монахи не пошёл.

Несмотря на то, что князь вроде бы жаловался, в его голосе звучала гордость.

- У меня вторая дочь на выданье, тоже редкого нрава: добрая, жалимая, богобоязненная. Боюсь отдавать её за кого попало, а достойного жениха не могу ей сыскать. А с приданым не поскуплюсь, - осторожно намекнул боярин.

Юрий угрюмо посмотрел на него.

- Даже не думай, Иваныч! Андрей - третий мой сын и в свой черёд станет великим князем, если Бог не попустит. Хотел я женить его на Звениславе Всеволодовне, да Болеслав Вроцлавский успел раньше её просватать. А у меня ведь ещё младшие сыны подрастают. Елена обещала поискать среди своей византийской родни...

- Слыхал? Кучко хочет определить тебя в зятя, - прошептал Ростислав на ухо Андрею, оттесняя его назад на несколько шагов, чтобы их не заподозрили в подслушивании. - Хотя слышал я ещё в Новгороде, что он древнего рода, в числе его предков сам Гостомысл, дед Рюрика...

- Лучше бы этот родич Рюрика слуг своих поторопил с ужином, пока мы тут с голоду не померли, - так же шёпотом ответил ему брат.

Увидев сыновей, князь умолк. Перехватив его взгляд, Степан Кучко тоже остановился на полуслове. Разморённый баней, Андрей не вникал, что за люди входили в широкие двери, раз за разом кому-то механически кланялся, пока перед ним не возникла стройная девушка в травчатом сарафане. Он замер, уставившись на неё как на диво: светло-русая коса, прямой нос, нежный румянец, большие голубые глаза... Ростислав, удивлённый состоянием брата, чувствительно толкнул его локтем.

- Дочь моя, именем Улита, - важно сообщил Кучко.

Андрей отвесил девушке поясной поклон, но вместо того, чтобы двинуться дальше, сделал шаг вперёд, охваченный безотчётным желанием обнять её, и сдержался в последний момент. Он не замечал недоумевающих взглядов со всех сторон, не видел и не чувствовал вообще ничего, кроме тихого сияния в глазах Улиты, её вспыхнувших щёк и приоткрытых губ. Неловкую ситуацию разрешил Ростислав: на правах старшего брата со смехом отпихнул его и поклонился сам.

На пиру творилась обычная в таких случаях суэта - бесконечная смена блюд и заздравные чаши. Степан Кучко слыл известным чревоугодником, на его дворе особым способом откармливали живность, в садах выращивали особые сорта яблок, вишни, крыжовника. Повара у него были искусные, служившие Степану ещё в его бытность в Новгороде. Даже наспех собранный стол украшали запечённые с ранними яблоками поросята, гуси с кашей, хрустящие солёные рыжики, мочёная брусника, датская селёдка с луком, благоухающие курники, расстегаи и кулебяки, нежные творожники и ягодники, имбирные пряники, медовый сбитень и малиновый квас. Несмотря на редкую изысканность яств, Андрей жевал и пил, не чувствуя вкуса. Перед его мысленным взором стояло милое лицо девушки, и он не спешил отогнать это чудное видение. Но он уже овладел собой и не позволял себе ни одного лишнего взгляда.

Наутро выяснилось, для чего князь Юрий затребовал дружину сыновей: Кучково находилось на окраине Ростово-Суздальского княжества и должно было выполнять функции пограничной засеки, но его укрепления представляли собой простой частокол от волков, и такой защиты явно было недостаточно сейчас, когда стычки между князьями грозили перерасти в настоящую войну. Обстановка требовала более основательной защиты. Для такой масштабной затеи свободных рук у боярина Кучко не хватало. Поэтому уже на следующий день прибывших дружинников снабдили секирами и отправили рубить лес. Очищенные от веток стволы крестьяне перетаскивали волоком, привязав к лошадям. Тех, кто знал плотницкое ремесло, поставили рубить стены. Поскольку княжеских детей учили и этому делу, Ростислав с Андреем могли вполне сносно вырубить чашки и пазы и работали наравне с мастерами.

Чтобы накормить строителей, в больших котлах каждый день варилась каша с мясом, а после ужина все отправлялись купаться на реку Москву, разгоняя баб-портомойниц. Княжичи купались отдельно, уезжая на лошадях вверх по течению, где заприметили отличную песчаную косу под холмом. Здесь шумел сосновый бор, спускаясь почти к самой воде. После целого дня, проведённого в пыли и шуме, они с удовольствием плавали с одного берега на другой и обратно, а потом обсыхали на вечернем солнце.

Так проходил день за днём. В один из таких вечеров, вволю накупавшись, братья растянулись на траве.

- Видал, какая ладная молодуха сегодня сбитень разливала? - мечтательно произнёс Ростислав. - Наливная, ядрёная! Вот бы её да на сеновал!

- А какая дивная портомойница бросила в тебя мокрым рушником, когда ты назвал её расписной печью, - лукаво отозвался Андрей, давно привыкший к вольной манере брата.

- Тьфу на тебя! У неё зад размером с печь и есть. На сеновал закатывать нужно. Домой, к жене хочу! Отцу легко...

- У отца тоже молодая жена в Суздале, второй сын родился.

- Ага, византийка. Детей рожает, а по-русски толком молвить и не может.

- Батюшка с ней сам разговаривал поначалу по-гречески, вот потому, - флегматично заметил Андрей. Он вытащил нож и занялся извлечением из ладони занозы. - Я вот только не пойму, почему Кучко выбрал для строительства то поле? Оно открыто с трёх сторон. Этот Боровицкий холм намного лучше защищён: тут река Москва, там река Неглинная, здесь Моховое болото. Вырыть ров с восточной стороны, и город будет хорошо защищён.

- Э... ну да. А я получил тайное письмо от Изяслава Мстиславича, — безо всяких вступлений, будничным тоном произнёс Ростислав.

Андрей резким движением сел и уставился на брата.

- Что он может писать тебе?! После того, как подбил против нас всех, до кого дотянулся? После нападения на Ждан-горе? После всех своих шкод и пакостей??

- Погоди, не кипятись. У Владимира Мономаха осталось столько потомков, что всем нам перебыть на великом княжении никак не удастся. Изяслав предлагает заключить тайный союз, чтобы поддерживать друг друга на тот случай, если не станет отца. В конце концов, он не чужой

человек, а наш двоюродный брат. Мы поможем ему удержаться в Киеве, а он даст нам удел получше. А если умрёт раньше нас, то сделает нас наследниками. «Не идёт место к голове, а голова к месту» - так он написал мне...

- Ты же понимаешь, что он замахнулся на основы престолонаследия?

- Ну, не он первый. Вячеслава, вон, двигают все кому не лень. Лествичное право нужно менять!

- Возможно, но Изяслав начал не с того. Устоявшийся закон враз не изменишь. Наступит безвременье, смута, и тогда власть захватят недостойные, для которых чужие жизни будут пылью под ногами. Наш отец это прекрасно понимает и потому добивается строгого соблюдения лествицы. Я другое тебе скажу: князья меняются, а киевские бояре остаются, и у них уже слишком много власти! Нужно переносить престол из Киева.

- Если ты попытаешься это сделать, тебя просто убьют, брат. Слишком много всего завязано на Киеве!

- Ну что ж, если убьют! Каждый должен нести своё бремя. Пахарь - встать до света, запрячь лошадь и работать до предела сил, чтобы прокормить свою семью. Воин должен быть отважен на ратях. Монах - молить Бога днём и ночью, показывать пример воздержания, помогать страждущим. А князь обязан защищать свою землю от врагов, и если понадобится, отдать за неё жизнь.

Глава третья

По воскресеньям работы не велись, с утра все шли на литургию. Дружина не вмешалась в небольшую деревянную церковь, поэтому многие толпились снаружи, перед открытыми дверями. Андрей становился рядом с амвоном, полностью погружаясь в молитвы, и лишь однажды его отрешённость была нарушена. Когда дьякон сошёл с амвона с кадилом в руке, княжич повернулся за ним и случайно встретился взглядом с одной из прихожанок... Это была Улита. Она сразу опустила взгляд, но он заметил, как вспыхнули её щёки. Когда после службы все начали выстраиваться к причастию, Андрей пробрался сквозь толпу и встал позади неё. У него не было конкретной цели или мысли, просто его тянуло к ней, как бабочку к цветку. Княжич с восхищением рассматривал девушку, её стройную шею, маленькие розовые уши и нежные щёки. Ради выхода в церковь она нарядилась в вышитый сарафан и рубаху с пышными рукавами, на голове был полупрозрачный убрус цвета весенней зелени, а поверх него - тонкий серебряный венец с цветными камнями. Среди гула голосов и шороха ног по деревянному полу княжич различал нежный звон её узорных подвесок. Он так и следовал за ней, полагая, что она не догадывается об этом манёвре, но после причастия, на выходе из церкви, она внезапно обернулась и посмотрела Андрею в глаза. У него пресеклось дыхание. Оба остановились, мгновенно забыв обо всём. Неизвестно, сколько бы они так простояли, если бы за спиной у Андрея не поднялось ворчание тех, кому он загородил выход. Тогда он осторожно взял девушку за локти и вывел наружу.

- Прости за дерзость, красавица, - тихо произнёс он, не отрывая взгляда от её чудесных голубых глаз.

Он испугался - ему показалось, что она сейчас потеряет сознание, так побледнели её щёки. Но она улыбнулась и опустила длинные ресницы.

- Ты прости меня.

И провела ладонью по его рукаву. Каким бы лёгким ни было это прикосновение, оно обожгло молодого княжича, и у него разом потемнело в глазах. Небывалое счастье захлестнуло его сердце. Неизвестно, что бы он сотворил от избытка чувств, но тут из церкви вывалилась, пыхтя, низенькая и толстая женщина в парчовой кичке. Она подошла к девушке, не обращая никакого внимания на княжича.

- Улита, дитя моё, пойдём скорее – сегодня на завтрак оладушки с малиной и сливками!

- Идём, нянюшка, - откликнулась та, украдкой бросая на Андрея ещё один взгляд.

«Улита. У неё очень милое имя!» - думал княжич и повторял его на все лады весь день, пользуясь тем, что за грохотом строительства никто не мог этого услышать. Ночью он ворочался на слишком жаркой перине и думал только об одном: как уговорить отца, чтобы тот разрешил ему жениться на боярской дочери, всё отчётливее понимая: не позволит! Князя женили сыновей на ровне: на княжнах, византийских принцессах, дочерях западных конунгов и половецких ханов. Бояре тоже роднились в рамках своего сословия, купцы, крестьяне и ремесленники - среди своих. Брачные связи создавались в первую очередь в интересах рода. И Андрей прекрасно это знал.

Наконец он сердито откинул одеяло и встал возле открытого окна. Его горница находилась на самом верху боярских хором. Вокруг угадывалась тёмная масса домишек. Из палаток, в которых ночевали дружинники, доносился мощный разноголосый храп. Мимо с угуканьем пролетела сова. Под холмом в свете луны блестела серебристая лента - река Неглинная, оттуда тянуло свежестью. Андрей сжал в кулаке свой нательный крест работы византийских мастеров. «Я встретил зазнобу мою, красавицу, ладу, счастье моё. Я обрёл её, как аромат цветка, как сияние луны в облаках - так неужели моя горькая судьба состоит в том, чтобы её потерять?.. Господи, молю тебя, помоги мне, ничтожному и грешному, в моей любви!»

Звёздный хоровод кружил по чёрному небу, а он так и стоял, пока не продрог, а его мысли не начали путаться. Тогда он неверными шагами прошёл по горнице и свалился в постель.

Строительство продвигалось, уже были уложены нижние венцы. Андрей час за часом махал топором, погружаясь в свои мысли, но его брат начал раздражаться.

- С этой мужицкой работой скоро разучимся оружие в руках держать, - ворчал Ростислав.

- Попросим батюшку отпустить нас на охоту? Заодно дичи набьём, - предложил Андрей.

Эта мысль понравилась князю Юрию и боярину Кучко, которые были заядлыми охотниками, а ещё больше – боярскому ключнику, который тяжело вздыхал, каждый день выделяя на прокорм строителей свинью или корову. В окрестных лесах водилось множество дичи - кабаны, лоси, косули. А вскоре главный ловчий примчался с сообщением, что деревенские девушки, собирая ягоды, видели медведя и теперь боятся ходить в лес.

Во главе охотничьей ватаги выдвинулись князь и боярин с сыновьями, прихватив ловчих, слуг и свору собак. Следом, не торопясь, ехал крестьянин с телегой, чтобы было куда погрузить добытую дичь. Все отдыхали от многодневного стука топоров, наслаждаясь шелестом листьев и пением птиц.

Первой добычей стал кабан, которого собаки выгнали из чащи на лесную поляну. Мимходом прихватили косулю и двух-трёх зайцев – их поразили на бегу меткие стрелы. Затем, рассыпавшись по склону, охотники затравили матёрого лося, который ринулся в атаку и взмахом огромного копыта разнёс голову одной из собак. Аким, сын боярина Кучко, ловко метнул сулицу вслед зверю, попав ему в шею. Лесной гигант, истекая кровью, повернулся, принял в грудь ещё два копыта и свалился замертво. Ловчие наскоро соорудили волокуши, разделали добытого лося и потащили в условленное место, где ждал крестьянин с телегой.

Под холмом протекала речка с прозрачной водой. Ватага остановилась на травяном берегу, чтобы отдохнуть, перекусить, умыться и утолить жажду. На привале охотники рассудили, что день на исходе, дичи набито достаточно, и решили двигаться домой. Они ехали растянувшейся цепочкой по узкой лесной тропе, когда собаки вдруг снова бешено залаяли, рванулись вперёд и буквально нос к носу столкнулись с медведем. Хорошо обученные хорты блокировали зверя, чтобы дать хозяевам время подойти. Медведь грозно рычал и делал обманные движения, заставляя собак отскакивать. Увидев людей, хищник бросился на них, отмахиваясь от собак, как от назойливых насекомых.

Первым ехал старший ловчий, он нацелил было копыё на приближающегося медведя, но промахнулся, потому что его конь испугался и понёс. Потеряв цель, зверь напал на ехавшего следом Кучко. Тот, умотавшись за целый день, не успел изготовиться, и медведь одним ударом когтистой лапы свалил лошадь на землю, перебив ей шею. Всё произошло так быстро, что боярин не успел соскочить на землю, и его ногу прижало конским туловищем. Степан Иванович безуспешно дёргался, пытаясь освободиться из-под бьющейся в судорогах лошади. Только случайный удар кованого копыта не позволил медведю в тот же миг прикончить боярина. Как назло, в этом месте было особенно тесно из-за бурелома, переплетённого зарослями орешника, поэтому остальные охотники не могли вмешаться в схватку и даже толком понять, что происходит. Ловчий, который наконец справился со своим конём, вернулся, но его копыё было потеряно, и он в отчаянии заорал, пытаясь отвлечь внимание зверя на себя. В этот момент прямо сквозь кусты проломился Андрей, за ним следовал князь Юрий. Сразу же оценив обстановку, княжич спрыгнул с коня и кинулся на медведя с засапожником в руке, ловко увернулся от оскаленной пасти, всадил клинок в сердце лохматого гиганта и отскочил прочь. Зверь ещё секунду-другую стоял, рыча и дёргая лапами, а затем свалился наземь.

Вокруг зашуршали кусты – это подъезжали остальные. Андрей, поднажав плечом, поднял конскую тушу и подал руку боярину, чтобы помочь ему подняться. Только теперь Кучко смог освободить ногу, но его сапог остался лежать под лошадью. Его добыванием занялись двое ловчих.

- Хороша здесь охота! Ох хороша, - азартно восклицал князь Юрий, разглядывая огромную медвежью тушу.

- Пожалуй, я теперь лучше с соколами на уточек. Стар стал, - проворчал Кучко, пока слуга натягивал на его ногу кое-как почищенный зелёный сапог.

Наутро княжичи снова присоединились к строительству. В этот день Андрею несколько раз удалось увидеть Улиту, когда она ненадолго выходила на гульбище княжеских хором. При виде красивой боярышни он начинал нервничать и утрачивал свою обычную ловкость. Едва не всадив лезвие секиры в собственную ногу, Андрей выпрямился, перевёл дух и вытер лоб. Снова берясь за топорщице, он не удержался, взглянул в сторону боярского дома и не поверил своим глазам, когда девушка махнула ему зелёным платочком. Чувствуя себя глупцом, который верит в собственные выдумки, он низко ей поклонился и был потрясён, снова увидев приветливый взмах. У Андрея потемнело в глазах и задрожали ноги. Улита не побоялась подать ему знак - так значит, она тоже любит его! Это было поистине чудо. Он не помнил, как доработал этот день - на его счастье, пошёл ливень, и работы были прекращены раньше обычного.

Андрей больше не думал о возможных последствиях - все его мысли были заняты размышлениями о том, как поговорить с Улитой. Теперь ему было известно, где находятся окна её светлицы. Сидя за ужином, он составил рискованный план.

Когда в боярском доме погасли последние огни, Андрей долго стоял возле открытого окна, позволяя глазам привыкнуть к темноте. Дождь закончился совсем недавно, тучи ещё летели над землёй, отсекая свет звёзд и луны от спящей земли. Наконец княжич перебросил ногу через подоконник, гибким движением выбрался наружу через узкий проём и взялся руками за резной карниз, который шёл вдоль свеса крыши. Проверив карниз на прочность, он подтянулся и взобрался на водотёчник, всё ещё скользкий от дождя, но достаточно широкий и прочный, чтобы выдержать человека. Теперь княжич начал пробираться, опираясь на наклонную крышу, пока не добрался до хоромной пристройки, где начиналось гульбище, на котором он видел Улиту. Глядя снизу, Андрей не оценил масштаба задачи, и только теперь понял, что гульбище находится выше, чем позволяет дотянуться его рост, и нависает над двором на высоте трёх сажень. Но он и не думал о том, чтобы отказаться от своей затеи. Прикинув так и эдак, ящерицей вскарабкался по чешуйчатой крыше, распластался по примыкающей стене терема и дотянулся до карниза. Держась за него и упираясь ногами в стену, он без особого труда достиг своей цели.

Оказавшись на гульбище, княжич остановился. Только сейчас он сообразил, что его поступок был не просто отчаянным, но и неприличным, однако отступать было поздно. Словно прыгая в ледяную воду, он негромко постучал по ставню. Его сердце замерло, когда он услышал в горнице какую-то возню. Дверь распахнулась - перед ним стояла его лада. Они молча смотрели друг на друга. Текли секунды. Наконец Андрей судорожно вздохнул и вновь обрёл дар речи.

- Прости, я не мог больше... Я думаю о тебе каждую минуту. Надо же было как-нибудь поговорить!

- Я... Я должна поблагодарить тебя за спасение моего батюшки...

Сердце Андрея обрушилось и похолодело. Так она махала ему только из чувства благодарности!.. Как же он не понял! Вообразил невесть что...

- Ничего. Это был обычный случай на охоте. Я... пойду.

Его голос звучал безжизненно. Не в силах покинуть Улиту просто так, он на секунду сжал её пальчики, затем отвернулся, вскочил на мокрые после дождя перила и пошёл по ним, рискуя сорваться и разбиться насмерть. Княжича остановил сердитый девичий шёпот:

- Что ты творишь! Слезай оттуда сейчас!

Он подчинился, с тоской глядя ей в лицо. В конце концов, ему больше нечего было терять.

- Я пришёл не за словами благодарности, Улита. Меня сюда привела любовь моя. Я все дни думаю только о том, чтобы повести тебя под венец. И надеюсь на твоё согласие просить об этом батюшку моего.

Луна выглянула из-за облака и осветила его лицо, подчеркнув мужественный облик княжича: прямой нос, высокий лоб, решительный взгляд, брови вразлёт.

- Ты ладо мой один-единственный на всю жизнь, князь Андрей! Потому я и махала тебе платком – чтобы сказать, что не пойду ни за кого другого. Будут вынуждать – уйду в монастырь.

Он даже не заметил, что она назвала его не княжичем, а князем, потому что услышал главное, за чем лез сюда, проявляя чудеса ловкости. Стеснение в груди, которое мучило его столько недель, враз исчезло. Он стоял, любясь ею, а её огромные голубые глаза в ответ сияли, словно яхонты, отражая лунный свет.

Они так и стояли на гульбище всю короткую летнюю ночь, тихо беседуя о семьях, о своём детстве, о своём будущем, пока небо на востоке не начало светлеть. Надо было прощаться.

Андрей взял девушку за руки. Они были ледяными.

- Ты совсем замёрзла!

Он поднёс её пальцы к губам, согревая их своим горячим дыханием, совершенно опьянённый, готовый одновременно смеяться и плакать от счастья.

Они не заметили, как золотой краешек солнца показался над холмами и свет начал заливать городок. Снизу с разных сторон раздавался стук дверей: хозяйки шли доить коров. Стало слишком светло, чтобы лезть обратно по крышам, и девушка выпустила Андрея через двери, объяснив, как наилучшим образом вернуться к себе.

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Это был Ростислав.

- Вставай, вставай, засоня, что я тебе говорю! Вот же болван не от мира сего, прости Господи... Молился опять что ли всю ночь? Вставай! Отец зовёт!

Андрей неверными шагами подошёл к берестяному рукомой, снял крышку и обеими руками принялся плескать себе на голову холодной водой, растирая виски и шею. Немного придя в чувство, он поспешно оделся и вслед за Ростиславом прошагал по переходам к горницам отца, застав его одетым в домашнюю ферьязь и мягкие поршни. Горели свечи в серебряном подсвечнике, князь с сумрачным лицом перечитывал какой-то свиток. Оценивающим взглядом посмотрел на сыновей, задержавшись на мокрых кудрях Андрея, с которых капала вода.

- В Киеве заматня. Умер великий князь Всеволод Ольгович. Великим князем стал его брат Игорь, на него пошёл ратью Изяслав Мстиславич. Игорь призвал на помощь брата Святослава. Боярин Лазарь Саковский, воевода Иван Войтишич и тысяцкий Улеб изменили Игорю, и как только Изяслав подошёл к городу, киевское войско поринуло свой стяг. Берендеи ударили сбоку, чтобы разрознить Ольговичей и бить поодиночке. Игорь бежал и попал в болото, где увяз его конь. Его поймали, увезли в Переяславль и заточили там в поруб. Под это дело разволочили казну Игоря, имения его бояр, монастыри... Ограбили село, где стоял его дворец. Дошло до того, что сожгли там церковь святого Георгия. Святослав Ольгович ушёл с малой дружиной и спас семью Игоря... Андрей! Езжай в Белозёрье и приведи оттуда тысячу конницы. Об этом уже пересылались, но пока нет ни слуху ни духу. Посылаю тебя, а не простого гонца: поторопишь их, проверишь оружие и справу. Ростислав, ты возвращайся в Суздаль, будешь там за князя. Я пока задержусь здесь.

От таких известий сонливость Андрея как рукой сняло.

- Так... А что Изяслав?

- Предложил Святославу Путивль, чтобы он отступился от брата. Святослав ответил, что откажется от любых волостей, только бы вернули ему Игоря живым. Но Изяслав не хочет выпускать его из своих рук. Святослав в отчаянии, от него все откатнулись, кроме Владимира Муромского, сбежал даже его наёмник Иван Берладник, прихватив деньги, уплаченные вперёд. Святослав написал мне и половецким ханам Тюнраку и Оселуку, своим дядьям по матери. Молит о помощи.

- Изяслав как-то объясняет свой захват власти?

- Мол, киевляне сами пришли к нему и пригласили на великое княжение.

- А с каких это пор киевские бояре ставят на Руси великого князя? Или это латиняне заплатили кому нужно? Изяслав им попросту продался! А киевские богатеи уверились, что могут получать прибыль со всех сторон и распоряжаться князьями по своему разумению!

- Латиняне далеко, у них свои хлопоты. А Изяслав засел в Киеве и снова собирает полки. Ростислав поднял бровь.

- На нас ли?

- Мы ему пока не по зубам. Мыслью, на Новгород-Северский. О том как раз пишет Святослав и просит войско. Нужно помочь! Если Изяслав и киевские богатеи покусились на великого князя, которому целовали крест, дальше будет только хуже. За Святославом наступит и наша очередь...

Пока Андрей собирался с мыслями, чтобы вместить в этот поток вестей просьбу о женитьбе на Улите, в раскрытой двери позади него раздалось какое-то шевеление. Это ока-

зался боярин Кучко – совершенно встрёпанный и помятый: явно его тоже только что вытащили из постели. За его спиной маячила та самая толстая нянька, которую Андрей видел в церкви. Юрий удивлённо посмотрел на него.

- Чего тебе-то не спится, Иваныч, в такую рань?

- Княже, дозволюсь перемолвить с тобой с глазу на глаз! А после уже пригласим его! – Боярин сердито дёрнулся в сторону Андрея.

- Выйди на мал час, - велел Юрий сыну.

Уже догадываясь, о чём пойдёт речь, Андрей переступил через порог и плотно закрыл за собой дверь. Нянька злобно зыркнула на него и шмыгнула в переход. Через немного времени его позвали обратно. Князь Юрий сидел за столом вместе с боярином и мрачно смотрел на сына. Андрею почему-то показалось, что отец сдерживает смех под напускной суровостью.

- Ну что, боголюбец, - хмуры брови, начал Юрий Владимирович. – До утра свою мужскую резвость показывал? Теперь и ты по ночам будешь девок портить?

Андрея мгновенно захлестнула ярость. Его возвышенное чувство к Улите было опопшлено шуткой, как он считал, достойной княжеской молодечной, но не самого князя. Смертельно поблбднел, он шагнул вперёд, невесть что и сказал бы, но, к счастью, Кучко прервал его.

- Ты спас жизнь мою, а я не поблагодарил тебя - прости уж, княжич. Отваги тебе не занимать, силён ты, и кровь у тебя горячая: ты воин, а не монах, как говорят про тебя. Но для своих страстей мужских мог бы найти кого-нибудь попроще, чем моя дочь. Чай, сенных девок в хоромах хватает!

Андрей медленно поднял потемневший взгляд.

- Мне не нужны ни сенные, ни княжны, ни купеческие дочери, ни заморские царевны. Улита – свет, лада моя, и я клянусь жизнью своей, что ничем её не обидел и чести не замарал. Дозвольте взять её в жёны! – твёрдо произнёс Андрей, поклонившись в пояс обоим отцам.

- Вот как, сам себе сваха, - задумчиво произнёс Юрий. – А ты не подумал, что нарушаешь свой сыновний долг, свой долг перед княжеством? Страсти проходят быстро. Это сейчас тебе кажется, что ты жить без неё не можешь. А пройдёт полгода, ты и думать забудешь о своей «ладе» и спокойно пойдёшь под венец с той, кого я укажу.

Кучко молчал, постукивая кончиками пальцев по подлокотнику резного стула и переводя напряжённый взгляд с одного на другого.

- Только Бог ведает, что лучше! – твёрдо продолжил Андрей. – Князь Владимир Святой был сыном Святослава от Ольгиной ключницы Малуши. Невесть, что случилось бы с родом Рюриковичей, если бы кровь её не текла в наших жилах. А Улита происходит от дочери Гостомысла, деда Рюрика, и она ничем не хуже княжён!

- Ладно, боголюбец! – Юрий уже открыто захохотал и хлопнул ладонью по столу. – Иваныч! Даёшь Кучково в приданое за дочкой?

Андрей замер, расширенными глазами глядя на обоих. Боярин поперхнулся, но сдержался. Прокашлявшись, встал и поклонился.

- Даю, батюшка князь! Кучково, стада скотинные, угоды охотничьи да рыбные. О серебряных гривнах, парче, жемчугах и другом прочем сговорим отдельно. Нужно ключника спрашивать.

Юрий снова повернулся к сыну.

- Значится, решено. Сейчас едешь за белозёрской ратью. Как вернёшься, будем играть свадьбу.

Андрей вышел из отцовских покоев и откачнулся к стене, прикрыв глаза. Ему понадобилось не меньше минуты, чтобы справиться со своими чувствами и со спокойным лицом вернуться к себе. Когда солнце поднялось над лесом, он уже скакал во главе небольшого отряда по лесной дороге. Заполучив Кучково, князь Юрий назвал его «Москва», по имени протекающей здесь реки, и призвал мастеров для строительства наместничьего двора.

Глава четвёртая

Андрей привёл полк из Белозёрья, разместил воинов в суздальском посаде, а сам направился в город. На подъезде он застал необычную беготню и суету. В заснеженный Суздаль прибывали гружёные возы и подводы, наполненные битой дичью, куканами вяленой рыбы, связками битых куриц, корзинами, горшками, мешками и бочками разного размера. Всё это добро толпилось возле переезда через Каменку, и там творился суший бедлам. Андрей оказался прижат к возу с обложенными сеном бочонками, так что ему ничего не оставалось, кроме как слезть с коня: ехать дальше верхом было невозможно. По небу ползли серые лохматые тучи, из них сыпались и кувыркались в воздухе редкие снежные хлопья, путаясь в гривах коней.

- Куда мёд-то сгружать? – обратился к Андрею молодой возчик, приняв его за боярина.

- Что тут происходит, не объяснишь ли? – откликнулся княжич.

- То-то и вижу, что тебя всего снегом запорошило - издалека, значит, прискакал, новостей не знаешь... А у нас новость так новость: княжич Андрей Юрьевич женится на дочери боярина Кучко! Вот и везём всяко-разно добро для пира. Уже и баб подбирают, кто поголосстей, значит, чтобы петь. Из нашей деревни взяли одну, Марфёну. Как запоёт - на том берегу у коров ноги подгибаются.

Андрей поморщился, представив себе хор из полутора десятков таких баб.

- А ты жениха-то видел? – продолжал балаболить медовоз. - Говорят, богатырь сажённого росту, борода лопатой, толст и ладен, голос как гром, медведей бьёт, как мух...

- Вон ключник идёт, не упустит, - указал парню Андрей.

Протолкавшись в конюшню, он оставил Позвизда на попечение прислуги, а сам взбежал наверх, в покои отца. Юрий Владимирович сидел на лавке, разложив на дубовой столешнице расправленные грамоты. Услышав доклад сына о прибытии белозёрской рати, довольно шевельнул бровью.

- Хвалю! Толково сработано, а главное - вовремя. Вчера прибыл гонец от Святослава Ольговича. Пишет, что Игорь тяжело захворал в порубе, и когда был уже совсем плох, Изяслав приказал Евфимию Переяславскому его исповедать, причастить и возложить на него схиму - словом, подготовить к смерти. Однако же в тепле Игорь выздоровел и решил остаться иноком Феодоровского монастыря в Киеве. Должно быть, это нарушило планы Изяслава. Во всяком случае, он опять собирает полки. Святослав уверен, что на него.

- А... Что со свадьбой, отец?

- Нет времени гулять да разговляться. Свадьба будет через три дня. Потом ты поедешь наместничать во Владимир.

Андрей, который до последнего момента боялся, что отец передумает, едва не задохнулся от радости. Юрий усмехнулся.

- Ну, что ты встал? Садись - с дороги, чай. Эй, Кузьминишна! Накрой по-быстрому на стол да прикажи изготовить баню.

Дни, назначенные до свадьбы, пролетели быстро, и вот уже Андрей, разодетый в иноземные шелка и scarlat, встал перед аналоем. Он настолько волновался, что не сразу заметил, как рядом с ним возникла девушка, с головы до ног закрытая полупрозрачным бледно-розовым покрывалом, и только увидев сияющие глаза сквозь тонкую ткань, понял, что это она – его лада неземная. И вот они стоят, оба в венцах, слушают напутствия священника и кланяются.

Андрей сидел один во главе пиршественного стола и снова нервничал - но вот вводят его наречённую, уже с открытым лицом и с переплетёнными косами, как полагается венчаной жене. Гуслиры ударили по струнам, гости разразились приветствиями и налегли на кушанья. Во всю длину стола красовалась огромная белуга - особая гордость боярина Кучко. Запечённый вперь с мочёными яблоками был разделан до костей за считанные минуты, за ним последовали

лебеди в перьях на серебряных проволоках. Слуги вкатили вторую бочку ароматного малинового кваса. Теперь гости уплетали сдобные ватрушки и кашу сорочинского пшена с изюмом и сливками. Молодым не полагалось есть на пиру. Под гомон гостей они кормили друг друга с ложки обрядовой кашей, стараясь не промахнуться мимо рта. Обоих «отпустило»: поняв, что теперь уже точно их друг у друга никто не отнимет, они принялись украдкой переглядываться. Песельницы, о которых говорил Андрею молодой возчик, действительно голосили так, что дрожала бахрома камчатной скатерти.

Уж как первый корабель плывёт
С сундуками-оковами,
А второй-от корабель плывёт
С одеялы собольими,
Уж как третий корабель плывёт
Со душой красной девицей...

- А теперь проводим молодых почивать! – громогласно объявил самый старший член застолья.

Хмельные гости дружным рёвом поддержали это предложение. Наперебой посыпались советы, от которых Андрея бросило в жар. Новобрачные встали и, как нашкодившие дети, опустив глаза, прошли под сотней перекрёстных взглядов в специально изготовленный сенник. За ними закрылась массивная дверь, которая сразу отсекала шум. Половину помещения занимала высокая постель, застланная белоснежной льняной простынёй. На столе горела одинокая свеча и стояло блюдо с рыбником, в котором был запечён стерляжий бок.

- Как холодно, - прошептала Улита.

- Ночью завернул мороз, а здесь нетоплено, - откликнулся Андрей. Он взял с кровати соболье одеяло и набросил ей на плечи.

Они стояли совсем близко. На лице Улиты сияло такое неприкрытое обожание, что Андрей смутился.

- А... я привёз тебе подарок с Белоозера.

Он вытащил из-за пазухи маленький, но увесистый мешочек, и высыпал ей на ладонь крупные зёрна северного жемчуга. Они переливались и сияли, отражая золотистый огонь свечи.

- Прикажем сделать тебе ожерелье. С серебряными колтами, чтобы звенели. Или расшить оголовье...

Улита положила мешочек на стол и потянулась к нему, чтобы поблагодарить. Тогда и он нахрабрился, осторожно прижал девушку к себе, снял бисерный убор с её головы и уткнулся лицом в душистые волосы. Она, теряя волю, повисла у него на руках, но опомнилась и подтолкнула его к постели.

- Сядь же...

Он испугался её решительности, совсем забыв о старинном обычае – новобрачная должна была снять обувь с супруга. Алые сапоги с загнутыми носами упали на пол, из них выкатились золотые венецианские дукаты, которые заранее были положены внутрь. Она сложила монеты на стол и дрожащими руками принялась расстёгивать нарукавья, но не могла справиться с маленькими пуговками и протянула руки к Андрею.

- Слушай, а может не будем сейчас? Ещё примёрзнем к стене каким-нибудь местом, - смущённо пробормотал он, указывая на иней в пазах между брёвнами. – А в горнице тепло, перина мягкая!..

Ясно посмотрев на него, она кивнула, прихватила со стола рыбник, скинула атласные башмачки и тоже полезла на кровать. Они устроились вдвоём, завернувшись в одеяло, отламывая куски от пирога, с аппетитом их поедая и вытирая пальцы о рушник. Совместная трапеза сблизила молодых супругов, напряжение исчезло...

- Знаешь, когда я ещё был так счастлив в своей жизни? – проговорил он тихим голосом. – Однажды, когда мне шёл одиннадцатый год, мы с Ростиславом, Иваном и их друзьями-боярчатами отправились проездиться из Кидекши вдоль Нерли. Искупали коней, а потом кто-то предложил переплыть Нерль туда-обратно. Я был самым младшим, меня снесло течением к высокому и скользкому берегу, на который я никак не мог взобраться, и река несла меня дальше. Я понимал, что меня скоро вынесет в Клязьму. Раз за разом пытался выкарабкаться и снова падал в воду. Во время одного из срывов сильно ушибся коленом о камень и не мог больше опереться на правую ногу. Нерль – река глубокая, с быстрым течением, и вода в ней холодная. Я замёрз, потерял все силы и пошёл ко дну, последней моей мыслью была мольба к Пречистой Деве спасти мою неразумную жизнь. Не знаю, сколько времени прошло – открываю глаза, и передо мной непредставимо прекрасное видение Богородицы в вишнёвом омофоре, в таком сиянии, что словами не описать. Она провела передо мной рукой, благословляя, и исчезла, а я встал, сухой и тёплый, словно и не плавал вовсе. И нога в полном порядке. Вокруг – тишина, цветы – благодать. И оказалось, что я на том же берегу, где мы оставили одежду и коней. Я тогда принёс первый в моей жизни обет: там, где мне явилась Богородица, построить самый прекрасный храм в её честь...

- Ты отмечен этой благодатью, Андрей, ладо мой! Утром того дня, когда я увидела тебя впервые, я стояла службу в нашей церкви, и мне привиделось, будто Богородица особо смотрит на меня с иконы, и от неё идут волны света, такие точно, как ты только что рассказал. Я знала, что в этот день произойдёт что-то важное. И встретила тебя...

Пирог закончился. Свеча догорела. Им было так тепло и хорошо вдвоём... Когда пирующие принялись «будить» их, швыряя горшками о стену, у них начался приступ смеха из-за невозможности понять в темноте, где чья одежда лежит на полу. Наконец они вышли к гостям – держась за руки и счастливо глядя друг на друга. Чудо совершилось, они были вместе – законно и навсегда.

Заснеженная дорога курилась под копытами резвых коней. Поезд растянулся длинной цепью, следуя за крытым расписным возком, поставленным на полозья, который увозил во Владимир молодую жену княжича Андрея. Улита устроилась на мягких подушках и укрылась до самых глаз пологом из волчьей шкуры, который защищал её от потоков зимнего ветра. Она не отрывала взгляда от стройного всадника, который скакал рядом, то и дело поглядывая на неё – всё ли в порядке, не замёрзла ли?

Князь суздальский наезжал во Владимир нечасто. В этом городке всё уже было налажено: трудились ремесленники, торговали базары, собирались налоги. Княжеский двор без хозяйского догляда находился в некотором запустении. И когда Андрей, ещё только собираясь выехать из Москвы, отправил сюда гонца с приказом подготовить палаты для постоянного проживания, это вызвало недоумение и даже беспокойство.

- Наплодил Юрий Владимирович сыновей, начнут теперь разъезжаться по городам и весям, – бормотал купец Зырята Мишинич.

Зырята родился и вырос в Новгороде, уехал оттуда тридцать лет назад в составе дружины князя Мстислава, сына Мономахова, ходил с ним в походы, со временем подкопил серебра, завёл семью и осел во Владимире. Построил здесь двор и занялся торговлей. Впрочем, торговля шла не так чтобы очень хорошо. Слишком мал и беден был городок. Одно выручало – хватало лошадей и возчиков, чтобы скупать зерно по деревням и возить его в Новгород.

- Будет свой князь в городе, купцы отовсюду понаедут торговать, - вопросительно произнёс его сын Прокша. Ему недавно исполнилось семнадцать, он знал счёт и письмо, и отец уже вовсю привлекал его к своим торговым делам.

- Купцы, купцы... Купцам только деньги и надобны. А кто княжеские палаты будет чинить да городские стены обновлять? Кому это поручали, не мне что ли? Да кто ж знал, что князь так скоро понаедет. Погнило многое, а сейчас зима, мало что и поправишь, - продолжал недовольничать Зырята.

Через пять дней часовые на стенах заметили приближающийся поезд. Навстречу Андрею выехал тысяцкий Ратибор Фомич с сынами боярскими. Светило морозное солнце, иней искрился на толстых брёвнах городских стен. Любопытные мальчишки бежали вслед, а вокруг княжого дворца собралась толпа глядильщиков. Молодой князь спрыгнул с коня и сам открыл дверцу возка, чтобы помочь Улите выбраться наружу. Она откинула полог и поставила ногу в бархатном сапожке на искристый снег.

- Вон он, вон он, Андрей Юрьич! - заволновались встречающие.

- Смотри же, как возмужал! Помню, как он наезжал сюда отроком вместе с отцом...

- А вот и жена его! Боярышня Кучковна!

- Ладная и красовитая, право слово!

- Ну всё - будут теперь у нас Кучковичи всем заправлять!..

Как и опасался Зырята, Андрей задержал взгляд на почерневшем, осыпавшемся основании толстых витых опор, которые поддерживали кровлю высокого крыльца. Однако ничего не сказал и упругим шагом поднялся по лестнице.

Несмотря на некоторую обветшалость, внутри дворца было уютно. Огромная печь топилась по-белому, и в хоромаш было тепло без малейшего запаха дыма. В княжеской спальне ноги тонули в густом ворсе персидских ковров. Покуда холопы заносили сундуки и корзины, Улита с удивлением смотрела в окно на открывшиеся заснеженные дали: дворец стоял над высоким обрывом над рекой, с которого открывался вид на реку Клязьму и заросшую лесом равнину. Справа садилось солнце и окрашивало облака в оранжевый цвет. Андрей подошёл к жене поближе.

- Я всегда любил этот город. Высота, простор над рекой!

Она подняла на него лучистый взгляд.

- Невдалеке от Москвы есть похожее место - там стоит деревенька малая Воробьёво. Вокруг сосновый бор, ветер, красота! Но на другом берегу большое черничное болото, называемое Лужа - комарьёв там!.. А мы надолго останемся здесь?

- Не ведаю. Отец надеется в свой черёд получить власть в Киеве. Тогда он захочет и меня видеть рядом с собой... Знаешь, мне в этих покоях всегда нравилась большая, мягкая лебяжья перина. Надеюсь, её взбили как следует, - прошептал он, нежно обнял жену и принялся целовать.

Глава пятая

Зырята Мишинич корпел над берестяными грамотами, присланными из Новгорода. Нужно было подсчитать итоги от продажи зерна, но зрение всё чаще его подводило. Купец отвёл руку с грамотой подальше, пытаясь разобрать послание своего доверенного.

- Выручено от Творимира Олексича из Неревского конца: одиннадцать гривен да восемь кун с ногою. От Сновида Михалкича с Прусской улицы: четыреста ногат... Сколько?? Нет, тридцать... Не вижу! Что за кривые руки у этого коломеса Иванки? Где Прокша? - наконец рявкнул он.

В горницу вбежал холоп.

- Только что вернулся! Сейчас позову!

Но сын уже и сам взбежал по лестнице и вместо того, чтобы с почтением выслушать родителя, с ходу упал ему в ноги.

- Батюшка! Благослови вступить в дружину Андрея Юрьевича!

Его юное лицо выражало восторг и надежду. У Зыряты отвалилась челюсть. Грамота выскользнула из его рук и бесшумно упала на ковёр.

- Т-ты что такое надумал, а?

- Андрей Юрьевич набирает детских в младшую дружину! Я рассказал, что ты не простой человек: был дружинником у Мстислава Владимировича, ходил с ним на Полоцк, был отмечен князем, получил от него серебряную чашу в награду за храбрость! И меня взяли! У тебя же есть и бронь, и шлем, и меч. Что им пропадать? А я постараюсь не посрамить твоего имени!

В лице сына была неподдельная мольба. Зырята поднял с пола грамоту и положил на столешницу. Его взор затуманился. Сын напомнил ему лихую молодость. Может, действительно стоило разрешить ему пойти в дружину?

- Пожалуй, даже хорошо, что к Андрею. Как во Владимир наехал, всё куны считает да зерно проверяет в амбарах, да припасы в погребах - чтобы не испортилось. Хозяин! Ты знаешь грамоту и счёт - глядишь и выбьешься в княжьи ключники, - раздумчиво произнёс купец.

- Я... просто был вместе с ним в церкви и видел, как он молится. Светлый он, батюшка.

- Тем более... Грамоту только вот прочти, глаза молодые.

Пока Прокша, наморщив лоб, разбирал иванковы строчки, Зырята, кряхтя, встал и принёс из кладовой объёмистый кожаный мешок. В нём лежала бережно завернутая в мешковину старая кольчужная бронь, а с нею наручи, поножи и шлем. Затем он выложил на столешницу меч и лук.

- Бронь нужно снести оружейникам, склепать несколько колец. Да всё почистить, да меч заточить. Тетиву на лук натянуть и стрелы запасти. Коня и седло, так и быть, я тебе дам.

Просияв от счастья, Прокша снова кинулся отцу в ноги. В ближайшие дни у него началась новая жизнь, которая резко отличалась от всего, к чему привык купеческий сын. Молодые дружинники быстро поняли, что их служба не так проста, как виделась изначально. Всё было подчинено строгому распорядку. Чистоту в молодежной наводили поочерёдно - прислуги не было. Готовили тоже сами, под руководством бывалых. Кормили по два раза в день, сытно. Новичков обучали опытные воины.

- Сейчас я расскажу, с кем вам предстоит сражаться, - расхаживая перед строем, говорил старший наставник, одноглазый сотник по имени Варг. - Первое, это кочевники - торки, берендеи и половцы. Частью они на нашей стороне, но родов там много, и всяк норовит гнуть своё. Это лёгкая конница, брони у них если и есть, то значительно проще наших. Вооружение - лук, лёгкие копыя, сабля. Могут с расстояния осыпать стрелами, рубить отступающих, делать стремительные переброски, разведывать, добывать языков, но биться лоб в лоб с кольчужным всадником для них никак. Поэтому если хотите их победить - насакивайте вплоть и рубите.

В некоторых городах есть латные пешцы. Скажете: что за недоумь? Далеко ли они уйдут в тяжёлых бронях без лошадей? А им и не надо никуда уходить, они защищают свой город. И с ними вам придётся покоряться, дети мои! Они хорошо защищены, их мечи длиннее ваших, а ещё у них большие, тяжёлые копья. Их щиты чаще всего длинные, острые внизу. Тяжёлые щиты, а часто и с оковкой. Если их нижним острым концом ударить - можно коню сильно ногу поранить, помните об этом, когда лезете на них. И это я ещё про сулицы не сказал - их мечут из задних рядов. С такими пешцами можно сладить, если сначала выпустить на них лёгкую конницу, чтобы обстрелять из луков, а уже потом самим скакать лавой: бить копьями, развалить строй, и потом рубить.

Ещё вам придётся встретить пешцев без брони - крестьянское ополчение. Вооружены они топорами да рогатинами. Одеты кто во что горазд - лапти, онучи, охотничьи зипуны. Люди они небогатые, деньги считать умеют, и хорошую одежду им жаль на войну надевать. И вот представьте: здесь вы такие красавцы, на боевых конях, в начищенных бронях, в сапогах из дорогой кожи да в красных штанах, а там это сборище нищих с паперти в посконной рванине. Нечего гоготать! Не думайте, что легко с ними справитесь. С той рогатиной мужик выходит один на медведя, так что ты своим мечом его не напугаешь. Распорет брюхо коню, а при первой возможности и тебе. Плотницкий топор ещё страшнее, опытный мастер вгонит лезвие с точностью до волоса, хоть в чашу для обла1, хоть тебе под бармицу. Ну, и не забывайте, что крестьяне идут на бой своей деревней и потому насмерть стоят друг за друга. Пока ты бьёшь одного, его сябры тебе напихают со всех сторон под первое число. Такие пешцы сильно уязвимы только для лучников.

После такого напутствия начались боевые учения. На Руси мальчишек с детства учили владеть оружием, и новобранцы поначалу вели себя несколько самонадеянно, но здесь речь шла о профессиональных приёмах, с которыми никто из новичков не был знаком даже понаслышке.

- Как руку держишь, так тебя растак! - орал дружинник-ветеран на Прокшу и выбивал меч из его руки. Едва не плача от злости, парень спешивался и лез в сугроб, разыскивая там своё оружие.

Через несколько недель новички научились правильно держать мечи и отбивать удары. И теперь к обучению подключился сам княжич. Сразу стало ясно, почему он не делал этого раньше: Андрей был не просто искусным бойцом - он был левшой. Прокше, который с некоторых пор мнил себя настоящим воякой, теперь казалось, что он взял в руки меч впервые в жизни. Все приёмы, которым он научился, оказались бесполезными, когда против него встал Андрей. Несмотря на свой средний рост и худощавое сложение, он с лёгкостью отражал наскоки сразу трёх-четырёх дружинников, и они ничего не могли с ним поделать. Без единого лишнего движения, словно даже лениво, он отбивал удары, используя одновременно меч и щит, на ходу объясняя ошибки противников и собственные действия, причём его голос оставался совершенно ровным. В отличие от других наставников, он разговаривал подчёркнуто вежливо, никогда не использовал бранных слов и никогда не наносил болезненных ударов.

- Лутьян, держи меч чуть наискось! И прими щит ближе. Ты оставил мне место для прорыва, - и действительно, меч Андрея проникал под защиту и касался груди молодого воина. - Давай ещё раз! Я покажу помедленнее!

Лутьян, или попросту Лутоня, был сыном владимирского священника и с трудом уговорил отца позволить ему вступить в дружину. Он оказался одним из самых отчаянных новобранцев и готов был драться до полного изнеможения.

- А теперь посмотри, что можно сделать в твоём положении, когда я отвёл твой меч и у тебя нет лишнего мгновения, - княжич выбросил вперёд правую руку и слегка стукнул окованным ребром щита по его щиту. - Если ударить чуть сильнее, щит расколется. А если бьёшь

умбоном, твой противник получит по лицу кромкой своего же щита и рискует остаться без зубов...

- Прокопий, а у тебя неплохо получилось! (Прокша гордо выпрямился в седле) - Но конь твой не годится. Он староват и боится звона железа у себя над ухом. Тебе нужен обученный боевой конь, а не просто ездовой. Учись пока на этом, а потом решим этот вопрос.

Победить Андрея было невозможно, но при этом он всегда находил, как подбодрить своих дружинников. Молодые воины возвращались на ночёвку измученными, но совершенно счастливыми.

Не только летом, но и зимой новобранцев постоянно гоняли то в лесной охотничий лагерь, то стремительными переходами в другие города. Ночевать в заснеженном лесу в палатках оказалось не самым приятным занятием. Парней учили ориентироваться по звёздам и делать настилы из разваленных трухлявых стволов, чтобы спать не в сугробе. Их утешало лишь то, что княжич часто выезжал вместе с ними, даже ел из одного котла.

К февралю навалило столько снега, что лес стал непроходимым для лошадей. Новобранцы втайне надеялись до весны отоспаться в тёплой молодечной, но не тут-то было: после особенно сильного снегопада их подняли затемно, велели взять с собой шкуры для ночёвки и выдали снегоступы. На улице их уже ждал Андрей - в простом овчином тулупе и валенках, с объёмистой котомкой и снегоступами, связанными верёвкой и перекинутыми через плечо. Дружинники выдвинулись в путь под морозными звёздами. Княжич час за часом шагал как железный, не выказывая признаков усталости. Те из новобранцев, кто имел навыки зимней охоты, тоже справлялись без труда, но Прокша с Лутоней с непривычки уже к обеду буквально валились с ног. Небольшой по расстоянию переход до Суздаля занял целых два дня, а потом ещё пришлось тем же способом брести обратно.

- Княже, ну зачем пешком, мы же конники! - простонал на последнем привале Прокша, разминая кулаками одеревеневшие ноги.

- А ты сам подумай, Прокопий. Представь, что после сильного снегопада понадобится пробраться в тыл врагу. Кони не осият такой снег, а воины, умеющие ходить пешком, смогут это сделать. И ещё. В жизни всякое бывает, и не всегда удаётся выйти победителем. Может случиться так, что придётся отступать после тяжкого боя, потеряв лошадей или попросту пустив их себе на прокорм, чтобы не умереть с голоду. Снегоступы можно сплести прямо в лесу. За ночь ты уйдёшь за много вёрст и спасёшься.

- В другой раз вы понесёте меня и других наставников на носилках, - сурово добавил Варг. - Потому что надо уметь спасать своих раненых, как бы тяжело ни было.

Весной Прокша с Лутоней получили из княжеской конюшни настоящих боевых коней - обученных, сильных, злых и высоких. И скоро дружинникам довелось отправиться на своё первое боевое задание.

Изяслав Мстиславич проведал, что князь Юрий готовится отправить рать на подмогу Святославу Ольговичу Северскому. Чтобы помешать этому, Изяслав приказал князю Ростиславу Ярославичу Рязанскому и его сыну Глебу совершить набег на суздальские владения. Те так и поступили - пограбили и пожгли пограничные сёла, после чего убежали обратно и затворились в городе. Ростислав и Андрей Юрьевичи по приказу отца в ответ совершили стремительный бросок на Рязань. Большинство их дружинников не имели военного опыта, а Рязань была сильно укреплённым городом, но Андрей придумал, как обмануть противника. Ночью его всадники с дикими воплями и свистом принялись носиться вокруг посада, размахивая факелами и изображая большое войско. Им удалось нагнать на рязанских князей такого страха, что они бежали в полной панике. Рязанский удел был передан Давыду Святославичу Пронскому, который был на стороне Юрия Владимировича.

Радостные и гордые, дружинники на рысях возвращались домой. Ростислав то и дело поворачивался к брату, обсуждая произошедшее.

- Андрей! Всё ж таки как Ярославич-то с сыном вдал плечи, а? Горазды только разорять чужие земли разбойничьим побытом да трещать как дрозд, а понадобилось защищать владение – тотчас же в бега!

Он жёстко усмехнулся, показав ровные белые зубы. Андрей нахмурился.

- Лучше нам было бы догнать их, брат.хлопот у нас ещё с ними будет!

- Да они так бежали, что коней стало жаль гробить ради погони. А Изяслав им сейчас не поможет, у самого хлопот полон рот, надо Киев удержать...

Ростислав с Андреем только в Суздале узнали, что пока они гоняли рязанского князя, Изяслав Мстиславич привёл большое войско и разгромил Новгород-Северское княжество. Святослав Ольгович бежал через леса, захватив свою семью и семью пленённого Игоря, а весь его город подвергся разграблению. Из кладовых княжеского дворца, помимо великого множества всевозможного добра, вытащили пятьсот берковцев меду и восемьдесят корчаг вина; угнали семьсот человек челяди. Обнесли церковь Вознесения, похитив оттуда серебряные сосуды, кадильницы, книги, шитые золотом антиминсы, и даже сняли колокола.

Великий князь вступил в Северск и шумно праздновал победу. Во время пира один из его подручных князей, Изяслав Давыдович Стародубский, захмелев, во всеуслышание заявил, что разобьёт Святослава и возьмёт в плен его семью. Его предложение было шумно поддержано пирующими. На следующий день он взял три тысячи человек латной конницы и пустился в погоню. Но Святослав, который располагал гораздо меньшими силами, устроил засаду, разметал врагов по лесу и спасся в Колтеске. Именно туда теперь нужно было вести тысячу белозёрских латных конников. Юрий Долгорукий поручил эту задачу Ивану, своему второму сыну.

Иван Юрьевич то и дело привставал на стременах и погонял коня, чувствуя себя заправским воеводой. Его счастью не мешала даже мысль о том, что придётся подчиняться князю Северскому: в конце концов, у опытного Святослава было чему поучиться. «Крепок на рать», - уважительно говорили о нём.

В честь прибытия суздальского войска был устроен пир. Северский князь торжественно передал сыну своего союзника в кормление Курск и ещё несколько меньших городов. В Колтеске уже находился отряд из трёхсот лёгких конников, присланный половецким ханом Оселуком, родичем Святослава по матери, и теперь в маленьком городке негде было протолкнуться. Кыпчаки, или половцы, как их называли на Руси, хорошо говорили по-русски, да и внешне мало чем отличались от русичей, разве что среди них чаще встречались темноволосые. Среди их коней преобладала половая масть, за это они и получили своё прозвище - как русских прозвали так из-за их рыжих лошадей, которых они разводили в незапамятные времена.

Святослав устроил смотр белозёрской дружине и вместе с воеводами целый день проверял коней, оружие и справу.

- Ну что, завтра идём на Давыдовича? - прищурившись, обратился он к своим боярам, упруго шагая по ступеням скромного дома, который служил в Колтеске княжеской ставкой.

Навстречу ему выскочил совершенно втрёпаный холоп.

- Княже, знахаря надо! Скорее! Иванко Юрьевич заболел! - завопил он, напроочь забыв о правилах вежливости.

Не задавая лишних вопросов, Святослав быстрым шагом прошёл в горницы, отстранив второго слугу, который с поклоном склонился перед ним. Иван лежал на постели, хрипло дыша и мотая головой по подушке. Его лицо было желтовато-бледным, волосы взмокли от пота. Святослав взял его холодную руку.

- Ваня! Что с тобой?! - произнёс он дрогнувшим голосом.

- Пить, - прошептал тот серыми губами.

Всю ночь Святослав вместе со знахарями пробыл у постели Ивана, с ужасом вглядываясь в его лицо, которое с каждым часом словно таяло. Белозёрская рать так и не вышла в поход.

Глава шестая

Обжившись во Владимире, Андрей принялся объезжать волость: знакомиться с людьми, проверять состояние княжеских стад, полей и усадеб. Во время одного из таких выездов он вымчал на вершину очередного холма, и вдруг протяжно свистнул и поднял руку. Дружинники подскакали к нему и встали, положив ладони на рукояти мечей. Теперь уже все увидели то, что заставило Андрея встревожиться: впереди на дороге поднимались клубы снежной пыли - явный признак того, что навстречу мчалась другая группа всадников, и в поднятой ими белой пелене пока было невозможно понять, сколько их и кто они такие.

Встречные всадники приближались, и теперь стало ясно, что их всего трое. Андрей, опустив поводья, выехал вперёд. Один из троих тоже выступил ему навстречу, отогнув высокий воротник, защищавший лицо от ледяного ветра.

- Спешный гонец от князя Святослава Ольговича в Суздаль, к Юрию Владимировичу, - повелительно выкрикнул он.

- Я княжич Андрей!

- Андрей Юрьич? - требовательно уточнил гонец.

- Да!

- Твой брат Иван умер в Колтеске, - произнёс тот глухим голосом.

- Ваня?? Как! Что стряслось?

- Знаю только, что одним днём. Остальное в письме от Святослава Ольговича к отцу твоему.

Андрей покачнулся в седле. Ему не хватало воздуха. Справившись с собой, он оглянулся к своим.

- Пропустите их.

Воины расступились, вестники осторожно проехали один за другим и, набирая скорость, помчались к Суздалю. Андрей поднял вверх руку, приказывая двигаться дальше. Ледяной ветер хлестал его по лицу и морозил слёзы на щеках. Ваня, любимый старший брат, совсем недавно уехал с беложёрским полком в помощь Святославу - и его больше нет в живых!.. Ваня, с помощью которого он учился сначала ходить, потом - играть в горелки, сражаться игрушечной саблей... Он так мечтал поскорее править полками! Впервые отец поручил ему настоящее дело, и вот его больше нет - растаял, исчез в пыли времён. Только мёрзлое, как бревно, тело привезут в Суздаль на санях...

Текли вёрсты, и ритмичный конский бег выстраивал мысли Андрея. «Конечно, люди умирают и сами по себе - мало ли, застуда или другая болезнь. Но слишком уж выгодна эта смерть врагам отца! Сначала рязане по наущению Изяслава напали на Суздаль и помешали ему защитить союзника, теперь внезапно умер Ваня. Так кому хочется, чтобы снова сорвалась помощь северскому князю?? Бога нет на тебя, Изяслав!» - свирепо подумал Андрей.

Через несколько дней он выехал в Суздаль, чтобы проводить брата в последний путь. Завернула жестокая метель, пришлось несколько раз заново разжигать костёр, чтобы оттаяла земля, а свежую могилу тотчас же занесло снегом. После похорон Юрий Владимирович долго стоял один в нетопленной изложнице, возле окна, закрытого заморским стеклом, устремив взгляд в снежную круговерть. Услышав знакомые шаги за своей спиной, он повернулся, раскрыл объятия и буквально повис на Андрее, повторяя: «Ваня, Ваня, сынок, Ванечка мой...» Впервые Андрей видел своего отца-князя в таком состоянии, он трясся в рыданиях.

- Батюшка! Нельзя сдаваться! Я поеду к Святославу вместо Вани!

- Нет... Там понадобится драться. Изяслава не получится объехать так же, как вы с Ростиславом объехали рязанского князя. Ты хозяин, а не воин, Андрюша. Пускай едет Глеб.

Княжич застыл: такое высказывание задело его, хотя в чём-то отец был прав. Андрей был очень силен, вынослив, отважен, но не мог заставить себя по-настоящему ударить своего противника во время учебного боя. Самое большее, на что он был способен - выбить оружие из рук... Юрий наконец овладел собой.

- Как Улита?

- Здорова! Кажется, на сносях!

- Это добрая весть!

- Что будем делать с Изяславом? - сквозь зубы прорычал Андрей.

- Сначала мы должны изгнать из Курска его сына Мстислава, которого он уже успел посадить туда вместо Ивана. И нужно действовать его же оружием - бить подручников.

- С ним нужно бороться не мечом, а колом осиновым! Киев уже превратился в скопище торгашей, совершенно потерявших берега! И для его прихлебал латинян там уже проходной двор! Не пора ли создавать новую Русь?

Андрей почти кричал. Отец положил тяжёлую руку ему на плечо.

- Ты сам подумай: с каким стольным градом? Новгород, Смоленск, Чернигов, Переяславль? Они под рукой Изяслава, его братьев и союзников. Галич, Владимир-Волынский, Луческ слишком далеко на западе...

- Ростов, Суздаль, Владимир на Клязьме!

- В Ростове держит власть самое ярое боярство, с которым даже я не могу управиться, потому и перевёл столицу в Суздаль. Суздаль - малый городишко по сравнению с Киевом, и уж тем паче Владимир - захолустье, ни одного каменного храма. Стольный град из него, как из портянки корзно. Про остальные, такие как Москва, даже не стоит говорить - если обретается где-нибудь медвежий угол, так это он и есть. Зато там нет слухачей Изяслава, и люди хоть не улыбаются лъстиво в лицо, зато и не ударят в спину. Ты оставайся во Владимире, Ростислав будет и дальше жить в Суздале, но больше я ему хозяйничать не дам - пускай учится княжить под присмотром Георгия Шимоновича, а то пока он правил тут самостоятельно, наворотил дел, благодетельствовал кого не следовало... Я возвращаюсь в Москву и посылаю гонца к Святославу Ольговичу, чтобы тоже ехал туда.

В письме, которое суздальский князь отправил своему союзнику, говорилось: «Не тужи о сыне моём, я пришлю к тебе другого». Вместе с грамотой Юрий послал богатые дары Святославу, его жене и дружинникам.

Святослав Ольгович сначала отправил в Москву своего одиннадцатилетнего сына Олега с малой дружиной. Таким поступком он подчёркивал своё полное доверие к союзнику и доказывал свою невиновность в смерти Ивана. Олег от имени отца преподнёс Юрию драгоценную редкость - шкуру пардуса. Спустя несколько дней Святослав приехал сам. Это был высокий, представительный человек с умным и смелым лицом. Его тщательно расчёсанные светлые кудри спускались на плечи. Он двигался бесшумно и стремительно, словно рысь.

Вместе с ними приехал Владимир Святославич Муромский, который один из всех князей, выступил на помощь Святославу Ольговичу, но вместе с ним был разбит и лишился своего удела. Молодой князь, у которого только начинали пробиваться пшеничные усы, прибыл в Москву в отчаянной надежде, что влиятельные союзники его покойного отца помогут ему вернуть родовую волость.

- Не беспокойся, друже, уж Муром точно будет твой, - утешал его Святослав Ольгович.

Юрий устроил в честь гостей большой пир и вручил им великолепные подарки. Всю первую половину апреля в Москве в строгой секретности велись переговоры, составлялись грамоты, в ночь уходили тайные гонцы. Один из них отбыл в Чернигов, где княжил Владимир Давыдович, который в прошлом году в угоду Изяславу участвовал в изгнании Святослава из Новгород-Северского. Скоро гонец привёз ответ: князь Черниговский писал, что не желает

больше ходить в подручниках клятвoprеступника Изяслава Мстиславича и согласен заключить союзный договор с Юрием и Святославом.

Галицкий князь Владимирко Володаревич тоже принял послов князя Юрия с большим почётом. Он обладал большой военной мощью, но не мог в одиночку противостоять притязаниям Изяслава. Военный союз скрепили брачными узами: Юрий выдал свою дочь Ольгу замуж за Ярослава, единственного сына Владимирка.

Галицкий князь был щедрым и добродушным белокурый гигантом с широким носом и маленькими умными глазами. Однако прослышав о любой подлости, он мгновенно превращался в разъярённого быка. Предательство и клятвoprеступление он карал беспощадно, и на то была веская причина. Три года назад он уехал на многодневную охоту, этим воспользовались недовольные из числа бояр и призвали к себе Ивана Ростиславича Звенигородского, который имел некоторые права на галицкий удел. Узнав, что его город захвачен, Владимирко прямоком с охоты направился к своему тестю, венгерскому королю Гезе. Тот дал ему войско, с которым князь осадил собственную столицу. Взять город никак не получалось, вдобавок Иван устраивал лихие вылазки, внося беспорядок в ряды осаждавших. Тогда Владимирко во время очередной вылазки хитрым манёвром сумел отрезать соперника от городских ворот. Иван вынужден был спастись бегством, лишился собственного удела и укрылся в Берлади - местечке, куда стекались изгнанники и авантюристы, и с тех пор получил прозвание «Берладник». А Владимирко устроил розыск среди своих бояр и без жалости казнил зачинщиков измены.

Собравшись в Москве, союзники составили план ущемления князя Киевского и сразу же приступили к его выполнению. Для начала князь Юрий отправил полки на Муром и передал его Владимиру Святославичу. Затем он устроил набег на новгородские поселения по реке Мсте и на Новый Торг². Одновременно Святослав Ольгович повоевал восток смоленского княжества - владения Ростислава Мстиславича.

Князь Святополк Мстиславич Новгородский спешно собрал рать, чтобы биться с суздальцами, но из-за оттепели вынужден был отступить. Пришлось заключать мирный договор, по которому Юрий добился того, что часть великокняжеских даней новгородцы отныне будут платить не Изяславу, а ему. В противном случае он пригрозил урезать поставки зерна. Таким образом он очень серьёзно повредил интересам Киева.

Ко всем неприятностям великого князя ещё и киевляне, собравшись на вече, отказались отправлять войска против Долгорукого. «Каждый да держит отчину свою» - эти слова Владимира Мономаха всё чаще бросали Изяславу, намекая, что он зарвался. Но Изяслава это не остановило. Как только начали подсыхать дороги, он осадил Чернигов, чтобы наказать Владимира Давыдовича за переход на сторону Юрия. Но город обладал мощными укреплениями, и его защитники сдаваться не собирались. Они устраивали вылазки и осыпали осаждающих со стен камнями, стрелами и забористой руганью. Великий князь вынужден был отвести свои войска, ограничившись разорением княжества. Таким образом, всего за одну весну он потерял Курск, Муром, Чернигов, да ещё и новгородские дани.

Изяслав Мстиславич метался по роскошным палатам Ярославля двора в Киеве, не считая нужным сохранять благообразный вид перед верными ему людьми. Ухоженная борода расстrepалась, золотые пуговицы отлетели с мясом, тяжёлый стулец кувырнулся в угол. Он редко позволял себе такие выходки, но в этот раз князь Юрий перегнул палку. Отобрать у него новгородские дани и переманить союзника! Это ж надо было додуматься!

- Гад! Как есть же гад, аспид гнойный! Часом! Войска! Отнять у него Суздаль! - рычал великий князь.

- У нас не хватит войск на захват Суздаля, даже и на Торг и Курск не хватило, - рассудительно возразил престарелый воевода Иван Войтишич, который служил ещё отцу Изяслава.

- Не гневай, княже, не можем мы сейчас поднять руку на Владимировича, - поддержал его Лазарь Саковский.

- От нас откачнулся Давыдович, мы лишились новгородских даней... Если и дальше так пойдёт, как бы тебе, князь, не пришлось проститься и с Киевом, а нам - с головой, - медленно проговорил тысяцкий Улеб.

Изяслав отошёл к окну, чтобы скрыть выражение лица. Киевские бояре тоже предавали его! Неужели они не понимают, что сейчас не время тянуть! Он повернулся к собеседникам.

- И что же вы думаете делать? Пойти и сдаться Юрию?

В его голосе звучала насмешка и плохо скрытое раздражение.

- Дозволь, княже, привести к тебе сына моей сестры Феодора, постриженца Киево-Печерского, - вкрадчиво произнёс боярин Пётр Бориславич.

- Ещё этих... молитвенников здесь не доставало! - с презрением в голосе воскликнул Изяслав. - Ну забавы ради приводи, посмотрим, что там у тебя за скоморох в рясе!

Как оказалось, Феодор рассорился с лаврскими монахами и потому жил по соседству - на Бориславлем дворе, так киевляне называли родовой дворец Петра Бориславича. Перед князем предстал видный, крупный, величественный священник, одетый в дорогую шёлковую рясу.

- Ну, что за дело у тебя ко мне? - резко спросил князь.

- Хочу стать митрополитом русским.

Изяслав замер в изумлении, раскрыв рот, а потом захохотал.

- Ещё один умник нашёлся!

- Хочу стать митрополитом, чтобы поддержать тебя, княже, церковной властью, - твёрдо продолжил Феодор. - После того, как ты вступил в Киев, митрополит Михаил впал в смятение, отрёкся и сбежал в Константинополь. А я не забочусь.

Пётр Бориславич поглядывал на других бояр, которые явно были застигнуты врасплох этим предложением. Изяслав призадумался.

- Загвоздка в том, что в Царьграде свои порядки. Патриарх Косма Аттик низложен. Рукополагать митрополита некому.

- Вот и славно. Можно рукоположить своего митрополита собором русских епископов.

- Мда, не такой ты простец, как поначалу показалось...

- Противу великого князя, да вкупе с митрополитом, не выстоит ни одно княжество, - напористо говорил Феодор. - Города падут к твоим ногам, а твои враги размечутся, аки прах.

При этих словах совсем не монашеская решительность проявилась на его лице, и это сильнее, чем убедительные речи, проняло Изяслава.

- Что скажете? - великий князь обвёл взглядом собрание.

- Нам нужен свой митрополит! - твёрдо заявил Пётр Бориславич.

- Феодора никто не знает. Его не изберут! - словно припечатал Лазарь Саковский. - Его нужно сначала продвинуть хотя бы в игумены, дать ему возможность проповедовать и обрести известность. А это долгая песня.

- Кого же тогда? Нужен преданный человек.

- Нужен известный церковник, втайне обуянный гордыней, для которого ты, княже, станешь опорой и прибежищем, - усмехнулся Лазарь. - А Феодор пускай будет при нём келарем.

После недолгих обсуждений киевским кандидатом стал черноризец Зарубского монастыря Клим Смолятич. Он славился широтой своих познаний и пользовался репутацией выдающегося подвижника. Долгое время он жил в Смоленске, у князя Ростислава Мстиславича, и добивался от Византии рукоположения епископа в этот город, где среди населения было много язычников-кривичей. Он демонстрировал свои выдающиеся знания и красноречие в надежде, что владыкой смоленским назначат его. Однако князь слишком хорошо знал Клима, и отправляя в Византию посольство, поручил верным людям просить другого епископа. В Царьграде вняли его доводам, и вместо того, чтобы почтить должностью Клима, прислали своего владыку именем Мануил, который хорошо знал Русь и был, между прочим, родственником всё того же боярина Петра Бориславича. Для Клима это стало сильнейшим ударом по самолюбию. В

приступе крайнего разочарования он покинул Смоленск и перебрался к Рогнеде Мстиславне, сестре великого князя, в её город Зарубу. Здесь он стал личным духовником Рогнеды, много и красноречиво проповедовал и получил большую известность. Такой человек и стал кандидатом в русские митрополиты.

В города, где находились епархии, полетели гонцы, и как только подсохли пути, в киевскую лавру начали прибывать поезда церковных иерархов. О соборе епископов быстро узнали в Суздале, и Юрий немедленно собрал ближних советников.

- Клим Смолятич умён. Редкостный книжник и умелец красно говорить, но тщеславен и алчен. Такой же, как Изяслав. Если эти двое захватят власть, плохо придётся Руси и православию, - глухо произнёс отец Леон, настоятель Владычного монастыря в Суздале.

- Епископы не допустят такого нарушения канона, - недоверчиво отозвался сын суздальского тысяцкого Иван Георгиевич.

- У Изяслава великий князь сидит, сверженный и постриженный в монахи, до канона ли ему, - заметил Юрий. - Думается мне, мы не знаем всего тайного, что творится сейчас в Киеве. Нам нужно быть готовыми ко всему и... собирать полки!

Глава седьмая

Изяслав довольно потирал руки. Поезда епископов прибывали один за одним, и на лаврском дворе было уже не протолкнуться от возков и лошадей. Правда, приехали не все. Ростовский епископ Нестор отказался участвовать в соборе, который проводился без благословения патриарха. «Ну и шут бы с ним», - подумал великий князь и принялся усердно хлопотать вокруг высоких гостей. Особенно тщательно он обхаживал Онуфрия Черниговского, опасаясь, что тот захочет отомстить за недавнее нападение на его город. Серебряная дароносица, постав чёрного бархата и многое другое перекочевало в келью Онуфрия, и он растаял: со многими добрыми напутствиями благословил князя Изяслава, случайно встретив во дворе лавры.

Теперь ждали только Нифонта Новгородского, которому нужно было ехать дольше всех. Подкупить его было намного труднее, чем епископов других городов, учитывая, что он был духовным главой богатейшего города, но Изяслав не слишком тревожился, поскольку в Новгороде правил его сын и там было много его сторонников.

Однако епископ Нифонт, едва прибыв в лавру, потребовал скорейшего заседания собора, так что Изяслав не успел даже подойти к нему под благословение. Пристукивая своим посохом чёрного дерева, украшенным серебром и перламутром, новгородский владыка принялся отчитывать великого князя, словно глупого отрока.

- С каких это пор князья стали ставить митрополитов? Не будет на то моего согласия! Нет того в законе, чтобы епископам ставить митрополита без патриарха, но ставит митрополита патриарх! Не князь!

Внешностью новгородский владыка был похож на святых древности - тщательно расчёсанная белая борода, белые длинные волосы под драгоценной митрой. Но его сверкающие глаза и энергичное лицо не имели ничего общего с монашеской робостью. Изяслав слушал, терпел и наливался бурой кровью. К его пушному возмущению то один, то другой епископ одобрительно склонял голову, выражая согласие с Нифонтом. Досталось и Климу Смолятичу.

- Не ты ли, мнящий себя философом, ссылаешься на римских иерархов вместо Иоанна Златоуста и других почитаемых писаний истинной церкви? Не ты ли впал во грех, толкуя Библию, словно проклятые бенедиктинцы, которые переписывают её, как им вздумается? Воистину пал ты под искусами тщеславия, возжелав против закона стать митрополитом! А мы не будем ни кланяться тебе, ни служить с тобою, потому что ты не брал благословения в храме у святой Софии от патриарха! - гудел Нифонт, словно большой колокол.

Клим, трясаясь от гнева, вскочил с места.

- Сие не грех, а тонкое толкование, так делают и монахи на Афоне!..

Удар посоха по дубовому полу прервал его речь.

- Монахи на Афоне отрекаются от мирских грехов, а не встают во главе их!

Это был сильный намёк, говорящий о том, что новгородский епископ знает о тайной жизни своего оппонента намного больше, чем хотел бы Клим Смолятич.

Нифонт умолк, но продолжал вперять суровый взор то в Клима, то в Изяслава.

- Нам достоит прежде всего выяснить мнение Царьграда. Вести идут долго. Возможно, там уже избрали патриарха и назначили на Русь нового митрополита, - поддержал Нифонта Козьма Полоцкий.

- Год пройдёт, пока посольство будет ездить туда-сюда, да и византийцам не до Руси сейчас, - ехидно вставил Клим.

- Возможно, нам рано или поздно придётся самим избрать митрополита, но без благословения патриарха это избрание будет недействительным. - негромко произнёс престарелый Фёдор Владимиро-Волынский.

- Нужно отправить Клим Смолятича на поставление в Царьград, как полагается, с посольством и дарами, - подтвердил Демьян Юрьевский.

- Если ты поправишь дело, испросишь благословение у патриарха, то мы тебе поклонимся, - добавил Евфимий Переяславский.

Это означало, что избрание Клим откладывается как минимум на год, а там уже время будет упущено, византийцы спохватятся и назначат своего митрополита. Изяслав надеялся, что задаренный им Онуфрий Черниговский выскажется решительно в его пользу и убедит колеблющихся, но тот помалкивал, переводя внимательный взгляд с одного на другого. «Вот так и верь этим пресвитерам», - зло подумал Изяслав.

Спор продолжался, епископы приводили каждый свои доводы, то и дело заходя в тупик. Все изрядно выдохлись и устали.

- Должно быть некое святое действо, иначе рукоположение не будет иметь законной силы, - бесстрастно изрёк Мануил Смоленский, словно подводя черту под спором.

И тут раздался тонкий голос Онуфрия:

- А я знаю, что мы имеем право поставить митрополита: у нас есть глава святого Климентя, которую привёз из Херсонеса князь Владимир. А ведь греки ставят рукою святого Иоанна.

Все переглянулись. Изяслав воспрял духом. Действительно, хитроумный черниговский епископ не только выбрал самый подходящий момент, но и заготовил аргумент, который имел вес в глазах священнослужителей. Видя, что собравшиеся настроены согласиться, Нифонт принялся доказывать, что такое избрание приведёт к ссоре с Царьградом и расколу на Руси.

- Грядёт гнев Божий на сынов непокорных! - возглашал епископ, - потрясая своим посохом, но его речь бесцеремонно прервал великий князь.

- Сегодня все вы уже утомились, святые отцы. Утро вечера мудренее, не так ли?

И он поднялся со своего креслица. Остальные тоже начали вставать и расходиться.

Нифонт был вне себя. Его мнение было растоптано, и кем! Самозванцем, который посадил великого князя в затвор и едва не уморил, вынудив постричься в монахи! Новгородский епископ решил призвать князя на исповедь и попытаться вразумить. Изяслав ничего не ответил, но его лицо исказила странная усмешка, более похожая на оскал.

Нифонт без каких-либо сложностей добрался до своих покоев, однако утром, когда пришла пора идти на литургию и заседание собора, он не смог отворить двери. Владыка Великого Новгорода оказался в заточении, а в его отсутствие епископы согласились на всё, чего требовал великий князь. Клим Смолятич был избран митрополитом.

Возок Евфимия Переяславского покинул Киев и направился к югу. Епископ был полон угрызений совести. И светская, и духовная власть на Руси оказалась в руках самозванцев, а он, правду сказать, побоялся выступить против их происков. Нифонта так и не отпустили на свободу. «Ещё и уморят, прости Господи», - подавленно думал Евфимий.

В Суздале готовилось празднество в честь крестин девятого сына Юрия Долгорукого, Ярослава. Это был подходящий повод, чтобы под его прикрытием устроить княжеский снем. Приехали старшие сыновья с семьями, союзники суздальского князя со своими ближними боярами. Готовился большой пир, после которого должны были состояться важные переговоры. Суздальский кремник был невелик для такой толпы, и Андрей вместе с беременной женой разместился в Кидекше, подальше от пыли и толкотни.

Пир был в разгаре, сотрапезники пристойно веселились, одна за другой сменялись задравные чаши, когда к Юрию протолкался скромный монашек, покрытый дорожной пылью с ног до головы. Он протянул князю грамоту, и тот словно забыл, где и по какому поводу он находится, его лицо потемнело, как грозовая туча. Это заметил Андрей.

- Изяслав опять некую пакость сотворил, - негромко произнёс он, обращаясь к сидящему рядом с ним Глебу.

К Юрию уже спешил престарелый тысяцкий Георгий Шимонович, князь что-то ему сказал - такое, что у боярина сошёл с лица румянец. Услышали другие, кто был рядом, и у них на устах таяли хмельные улыбки. Андрей вытягивал шею, стараясь понять, что происходит.

- Твой батюшка гневен. На нас ли? - робко прошептала Улита.

- Нет, нет, не тревожься, моя милая! Но что-то случилось...

Не отпуская её руки, Андрей настороженно всматривался в лица. За спинами слуг к нему пробрался его мечник Михн.

- Господин!.. Беда! Убит Игорь Ольгович!

- Убит?? Кем?

- Говорят, киевляне сами и порешили...

Князь медленно кивнул и поднял руку, отпуская верного слугу: Улите незачем было знать подробности. Она положила пальцы на его локоть.

- Будет война?

Он посмотрел в её ясные голубые глаза и не смог сказать правды.

- Постараемся обойтись без войны.

Андрей изобразил на лице беспечность и притянул к себе блюдо с томлёной гусятиной.

- Войди!

Князь Юрий словно знал, кто пришёл к нему ночью, когда все разошлись почивать. Андрей плотно закрыл за собой двери и вопросительно посмотрел на отца. Тот невесело усмехнулся.

- Как жена?

- Она спит.

- Ну, садись, что стоишь-то... В Киеве створилась пакость.

- Изяслав?

Юрий Владимирович неопределённо повёл ладонью.

- Он вроде бы и ни при чём.

- Но кто тогда и зачем?! Ведь Игорь принял схиму, отрёкся от мира!..

- Ну, многие считали его чуть ли не святым во плоти, к нему толпами шёл народ за благословением. Он вполне мог призвать народ на вече и потребовать вернуть ему власть. Однако Изяслав, как я понимаю, не придавал этому значения. Он даже выехал в какой-то из загородных дворцов, а Киев оставил на своего брата Владимира Мстиславича. Тогда начали действовать бояре, которые предали Игоря Ольговича и имели все основания бояться его возвращения на престол. Тысяцкий Улеб сообщил Изяславу, что Владимир Давыдович со Святославом Ольговичем замыслили его убить, чтобы спасти Игоря. По предложению Улеба Изяслав отправил грамоты митрополиту и тысяцкому с поручением созвать вече и сообщить народу - мол, не только вашего князя враги хотят убить, но и всех киевлян искоренить. А там уже были наготове нужные люди, которые сразу подняли крик, что нужно немедленно убить Игоря. Тысяцкий и митрополит Клим возражали, но лишь на словах. Только Владимир Мстиславич вскочил на коня и помчался к Феодоровскому монастырю, чтобы поспеть первым и увезти Игоря, однако не смог проехать по мосту, запруженному народом, и повернул в обход.

Тем временем убийцы с оружием приблизились к воротам монастыря. Игорь в это время находился в храме, где служили обедню. Злодеи ворвались внутрь, вытащили его, стали бить и терзать, сорвав мантию. «Почто, окаянные, как разбойника, хотите меня убить! Не ведаете что творите, вы мне крест целовали!» - кричал он.

Тут подоспел Владимир Мстиславич. Он растолкал конём толпу, спешил, покрыл Игоря своим княжеским корзном и потащил его к дому своей матери, который оказался рядом.

Среди убийц были такие, кто продолжал наносить удары, часть которых досталась Владимиру. Он закричал, что его брат не разрешил им такого творить, но над ним принялись насмехаться. Прискакал на коне один из священников Феодоровского монастыря, отец Михаил, и на некоторое время задержал нападавших. Благодаря ему Владимир сумел втолкнуть Игоря во двор и закрыть за ним ворота. Отца Михаила толпа побила, сорвав с него золотой крест с цепью весом в гривну. Владимира схватили и хотели убить за то, что он отнял Игоря, ему пришлось защищать собственную жизнь. А вражьи дети тем временем сломали ворота и ворвались внутрь. Игоря нашли на сенах, поволокли за ногу со двора ещё живого, истерзали, убили и разволочили, вопя при этом, что это не они Игоря убивают, а Ольговичи и Давыдовичи, которые хотели убить Изяслава. Нагое тело бросили на улице и не давали похоронить...

Андрей прикрыл глаза, стараясь справиться с потрясением. Подумав с минуту, взглянул на отца.

- Такое ужасное убийство на глазах у всего народа, да ещё надругательство над телом - не просто чьё-то затмение разума. Это сатанинская треба. Сверженного великого князя, безоружного, принесли в жертву дьявольским силам. Такое делается намеренно, чтобы призвать Божий гнев на страну и народ! И очевидно, что кто-то управлял этим действием, ведь зачинщики были наготове! Не знаю, узнаем ли мы когда-нибудь, чьих это рук дело. Одно могу сказать: православный христианин не мог такое измыслить!

- Здесь я с тобой соглашусь. Но не думаю, что в этом убийстве замешан Изяслав. Похоже, что он и сам был в растерянности. А вот слышал ли ты про франкского проповедника Бернара Клервосского?

- Который требует от папы римского уничтожить «восточных варваров и их веру»?

- И в этом году благословил резню полабских славян.

- Ничуть не удивлюсь, если латиняне помогают Изяславу захватить власть при условии перевода Руси в их веру. А владыку Нифонта освободят ли?

- Боюсь, как бы не уморили.

- Вот уже второй раз по проискам Изяслава иерарх русской церкви оказывается в заточении. Верует ли он в Бога так же, как и мы?

Юрий, помолчал, прикрыв глаза.

- Он наш родич, - наконец произнёс он.

Отправив грамоту киевскому тысяцкому, Изяслав Мстиславич нервно ходил взад-вперёд по просторной повалуше своего загородного дворца в ожидании вестей. Текли часы, и наконец со двора донёсся перебивчатый топот копыт. Князь подумал, что это прибыл гонец от тысяцкого, и был неприятно удивлён, увидев в открытом дверном проёме своего младшего брата Владимира, которого он оставил вместо себя за главного. Юноша был в разорванном корзне и с подбитой скулой, словно только что из боя.

- Как ты мог! Зачем ты убил Игоря! Бога на тебя нет! - вместо приветствия закричал он срывающимся голосом.

- Думай, что и кому говоришь, мачешич3! - надменно ответил Изяслав, подходя вплотную.

- Ты не как князь поступил, а как ночной тать из подворотни! Да ещё и чужими руками!

Он почти рыдал. В горницу быстрыми шагами вступил Мстислав, старший сын Изяслава, и рванул Владимира за плечо.

- Не смей так разговаривать с отцом!

- Убери руки! Если вы ещё не поняли, что сотворили, то Бог вас рассудит!

Изяслав краем глаза видел, что под окнами собирается народ, привлечённый неподобными криками. Нужно было поскорее заставить Владимира умолкнуть.

- Я не убивал Игоря, и ты это знаешь, - тихо произнёс он. - А теперь ступай. Приведи себя в порядок, охолонь - потом поговорим.

В горницу один за другим прибывали дружинники Изяслава с оружием наготове. Владимир судорожно вздохнул, молча повернулся и покинул княжеский дворец. Мстислав проводил взглядом дядю, который был моложе него.

- Если бы не его мать, Владимир был бы нашим. Она тайно блюдёт интересы своих родителей в Новгороде, и он следом за ней.

- Угораздило же отца жениться на новгородской боярышне, - холодно отозвался Изяслав. - А уж какие слухи ходили про неё. Что и младших детей-то она родила не от мужа, а от боярина Прохора Васильевича, которого отец мой потом сгноил в порубе. Но Владимир мне нужен. Он толковый правитель и хороший воин. Пожалуй, пора его женить. Посватаю-ка я за него дочь венгерского короля Бана и дам ему в удел Луческ. Глядишь, и отвалится он от своей матери.

После смерти Игоря великим князем по праву должен был стать князь Туровский и Пинский Вячеслав Владимирович, старший брат Юрия Долгорукого. Но такой уж был у него нрав, что с ним никто не считался. Когда он, послушав своих бояр и понадеявшись на своё старшинство, попытался было заявить свои права на Киев и другие великокняжеские города, Изяслав жёстко пресёк эти претензии, выгнал и поковал в железа наместников Вячеслава, отобрал у него удел и взамен дал городок Пересопницу. Его брат Ростислав Смоленский был против такого подхода.

- Вячеслав не Игорь, ему не нужна подлинная власть, он и не сможет её удержать. Окажи ему честь и почёт, назови отцом, пускай он считается великим князем, а править на самом деле будешь ты. Тогда никто и слова не скажет, что ты незаконно занял Киев!

Изяслав прислушался к совету, но стал действовать слишком грубо. Он попросту приказал Вячеславу Владимировичу принять формальный титул великого князя, угрожая, что в противном случае пожжёт его волость. Оскорблённый Вячеслав показал письмо Юрию, и тот пообещал защитить его интересы.

Глава восьмая

На помощь к Святославу Ольговичу прибыл Глеб Юрьевич с дружиной, но воевать за Новгород-Северский не понадобилось: Владимир Давыдович, подтверждая свой союз с Юрием, сам вернул захваченный удел. После этого Глеб вместе со Святославом и половцами атаковал Курск, изгнав оттуда Мстислава Изяславича, сына великого князя. Эта смена власти произошла не без участия курских бояр, которые встали на сторону законной власти. Захватив с боем ещё ряд городков, Глеб с торжеством вернулся в Суздаль.

Юрий Долгорукий устроил победителю великолепную встречу. Теперь именно Глеб выдвинулся на первый план среди своих братьев. Он был выше ростом и красивее их всех, обладал глубоким голосом и чарующей белозубой улыбкой, умел и красно говорить, и пить на пиру с дружиной, и биться во главе рати. Он дружелюбно обращался со всеми, кто не выказывал явной вражды, и охотно обменивался со всеми желающими взаимными клятвами верности. Словом, это был всеобщий любимец.

Вскоре отец отправил его с полками на помощь к Владимиру Давыдовичу Черниговскому, который имел все основания опасаться мести великого князя за переход в стан суздальцев. Полный желания проявить себя, Глеб не стал задерживаться в Чернигове и пошёл на Городец-Остёрский, и здесь его снова без спора приняли своим властителем. Отсюда он совершил стремительный переход и захватил городок Отень, который принадлежал Изяславу. На пиру, который горожане устроили в его честь, дружина была охвачена ликованием: у этого молодого князя всё получалось так легко и складно!

Глеб бесконечно выслушивал здравицы и восхваления, улыбался, кланялся и поднимал чаши. Воевода Жирослав с кубком в руке поднялся с места.

- За нашего князя-удальца! За его счастье и здравие!

Пиршественный зал снова загудел, в воздухе закачались полные чаши.

Поздно вечером, когда Глеб, пошатываясь, вернулся к себе и мечтал только о том, чтобы поскорее завалиться в постель, к нему провели гонца, который с поклоном передал ему грамоту. Глеб поморщился.

- До завтра подождать было никак?

- Грамота от великого князя, Глеб Юрьевич!

Помедлив, Глеб дал знак холопу с факелом подойти поближе и развернул письмо. Изяслав Мстиславич подтверждал его владение Городцом, и даже предлагал отдать ещё несколько городов с одним лишь условием: заключить с ним союз против Юрия Владимировича. Для этого Изяслав приглашал его в Киев.

Молодой князь едва не задохнулся от восторга. Изяслав признавал в нём силу и власть! Разве не стоило этим воспользоваться? Не задумываясь ответив согласием, Глеб отпустил посла и растянулся на кровати, счастливо глядя в тёмное окно, да так и уснул с грамотой в руке.

Наутро он собрал своих воевод и ближних дружинников, намереваясь похвастаться письмом от Изяслава как доказательством своего политического веса, но неожиданно для него возникли жаркие споры. Среди молодых дружинников были такие, кого воодушевило предложение великого князя, но большинство сошлось на том, что не стоило предавать отца, как и принимать такое решение одному, да ещё с пьяных глаз. Когда все высказались, взял слово воевода Жирослав. У него в руке тоже была грамота.

- Глеб Юрьевич, тут вести из Переяславля. Местные бояре пишут, что готовы открыть ворота Юрьеву сыну и выгнать Мстислава Изяславича, который засел там после потери Курска! Им в Переяславле недовольны!

Глеб, вскинув брови, повернулся к нему. Переяславль! Третий по значению город Южной Руси, в котором всегда сидел наследник великокняжеского престола! Нельзя было упустить такую возможность. А Изяслав... Ему он откажет!

Но тут поднялся младший воевода Константин Станиславич. Его отец до недавнего времени был в Переяславле тысяцким, но не поладил с Мстиславом Изяславичем и бежал из города, уведя с собой значительное число дружинников.

- Изяславу нельзя доверять, но и не стоит спешить с Переяславлем. Мой отец потому и ушёл оттуда, что там сейчас пересилили Мстиславичи. Вспомни, как обманули Игоря. Бояре целовали ему крест, а как только подошёл Изяслав, перешли на его сторону! Сил у нас мало, лучше бы пока укрепиться в Городце и не трогать Переяславль.

- Так то ж было в Киеве! А нам киевляне не смогут помешать, они на другом берегу Днепра. Тут пути-то всего два дня!

И Глеб во главе своей дружины двинулся к югу. Весть о том, что переяславцы готовы сдать город, радовала воинов, они ехали в беспорядке, с шутками и песнями. Сам Глеб скакал впереди, без шлема, с развевающимся корзном за плечами, смеясь и переговариваясь с ближними дружинниками. После весенних дождей выглянуло солнце, и так весело было подставлять непокрытую голову тёплому ветру!

К Переяславлю подъехали вечером. Глеб приказал развернуть стяги. Тяжёлые полотнища засверкали в лучах закатного солнца. Прищурившись, князь смотрел на город, ожидая, что вот-вот распахнутся ворота и ему навстречу выйдут горожане со священниками, но там не наблюдалось никакого движения.

- На ночь глядя не хотят впускать рать, - предположил Жирослав.

Суздальцы расположились на ночёвку, но и утром ворота оставались закрытыми.

- Обманули меня переяславцы, - тихо проговорил Глеб.

- Или изяславлевы люди пересилили, - глухо ответил Жирослав. - Вести верные были.

- Уходим. Прикажи седлать коней.

Теперь Глеб не смеялся, а сумрачно взглядывал из-под шлема и погонял коня. Ближе к обеду рать растянулась: не все могли выдержать такой темп, да и ячменя для коней не взяли,

рассчитывая на переяславцев. Вместе с воеводами Глеб выехал на вершушку очередного холма и остановился, чтобы подождать отставших. И тут из-за дальнего поворота на рысях начала выходить конная рать с развёрнутыми стягами Мстислава Изяславича. Не прошло и нескольких минут, как стало ясно: это воинство намного превышало дружину Глеба. Лучники уже вымчали вперёд и начали осыпать стрелами последние ряды суздальцев. Им ничего другого не оставалось, кроме как развернуться и вступить в бой. Воеводы быстро перемолвили между собой и подскакали к князю.

- Нужно оборонить Городец! Придётся оставить часть людей, чтобы задержать Мстислава, а ты, княже, уходи!

- Они что же, думали, что можно безнаказанно обманывать внука Владимира Мономаха?! - холодно произнёс Глеб, выхватывая меч.

- У нас кони уставшие. Люди не евши. Я останусь, а ты возвращайся в Городец, - сурово произнёс Станиславич.

Лицо Глеба исказилось отчаянием, на глазах выступили слёзы. Он обнял воеводу.

- Я виноват в этой беде! Прости, если можешь...

- Бог простит, княже. Поспеши, времени нет.

Глеб склонил голову, повернул коня и пустился в обратный путь, уводя с собой основную дружину. Станиславич с немногими оставшимися с ним людьми даже не смог с честью принять смерть в бою: его окружили, уставив копья, и взяли в плен, после чего продолжили погоню. Началось избиение отступающих. Глеб укрылся в Городце, но подоспевший Изяслав окружил город. Так прошло три дня. На помощь Глебу не смогли прийти ни Святослав Ольгович, ни Владимир Черниговский, и не видя другого выхода, Глеб вышел к Изяславу навстречу, поклонился ему и заключил с ним мир, признав его старшинство. Позже пришла весть, что захваченные в плен ратники вместе со Станиславичем были преданы жестокой казни.

* * *

Той осенью рано завернули морозы. Дороги заледенели, с белёсого неба сыпались крупные хлопья. В эти пасмурные дни Улита родила первенца, которого назвали Изяславом. Мальчик был крепким и здоровым, хорошо ел и быстро рос. Вскоре после крестин Андрей отправил в Суздаль обоз с налогами: зерном, живностью, мёдом, а позже выехал сам с пушниной и увесистыми серебряными гривнами. Пока холопы носили мешки, Андрей вслед за отцом спустился в бертьяницу. Длинная комната без окон находилась в глубине княжеского дворца и была заперта на хитрый замок новгородской работы. Юрий Владимирович вытащил большой узорный ключ и открыл тяжёлую дубовую дверь с медной оковкой. Отец и сын спустились по крутой каменной лестнице. Передав Андрею серебряный подсвечник с витыми свечами белого воска, князь перебирал поставки парчи и бархата, связки мехов, скрутки персидских ковров; открывал сундуки с золотой и серебряной посудой, с дорогим оружием.

- Перед нами лежат будущие города, которые я построю в своём уделе, - задумчиво произнёс Долгорукий. - Храмы, дома, пашни, кремники.

- А где возьмём людей? - поинтересовался Андрей.

Юрий усмехнулся.

- Не знаешь, как я заселял Кснятин, Дубну, Кидекшу, да и Суздаль, когда перенёс сюда столицу из Ростова?

- Объявил вольные годы?

- Конечно. Свободу от налогов на десять лет. Землю давал хорошую, плодородную - столько, сколько берутся обиходить. Лес на строительство. Зерно на обзаведение. Кому надо - серебро, но с возвратом. Дороги прорубал через леса. Строил церкви, пристани. И сюда потянулись люди из чужих княжеств. Не только бедняки, которым нечего было терять. Тесть твой,

Степан Кучко, пришёл из Новгорода и привёл несколько сотен крестьян. Таким, как он, я давал не только земельные владения, но и почёт, и место в думе.

Наверху хлопнула дверь. Юрий повернул голову, сдвинув брови. На лестнице раздались шаги. Андрей мельком взглянул на отца и взялся за рукоять ножа. В неярком свете прорисовались узорные сапоги с загнутыми носами, затем - штаны небесно-синего аксамита, парчовый малахай и наконец сердитое лицо Ростислава. Андрей улыбнулся было брату и двинулся навстречу, раскрыв объятия, но тот отмахнулся от него, даже не взглянув.

- Отец! Почему ты всегда с Андреем мимо меня? Я старший! Мне ты должен показывать свои сокровища, что здесь да как! В первую голову мне!

- Андрей привёз владимирские налоги, - бесстрастно заметил Юрий.

- Тиуна, значит, изображает твой Андрей. А почему он княжит во Владимире, Глеб княжит в Городце-Остёрском, а я сижу в Суздале под твоим присмотром? А?! Я тоже хочу быть неподвластным в своём городе, хочу сам распоряжаться серебром, а не как ты по счёту мне гривны выделяешь!

- Я оставлял тебя княжить в Суздале, и что? Ты роздал боярам княжьи покосы! Добрее меня захотел быть? Княжеская доля не только в том состоит, чтобы тратить серебро и красоваться в узорных сапогах, но и за порядком следить, и доходы приумножать, и жизнь свою отдать, если понадобится!

- Что-то не особо вы тут, в бертьянице, свою жизнь отдаёте! У тебя вон Елена что ни год рождает нового сына - куда их посадишь? Кому передашь Суздаль??

- Хочешь прежде моей смерти лишить меня удела?

- Ты то в Ростове, то в Москве, то ещё где мотаешься по княжеству, а здесь, в Суздале, правит Шимонович твой! Почему не дашь мне здесь больше власти?

- Георгий всё и всех знает. Его никто не обманет. Езди с ним, учись! И не забудь, что я в черёд должен стать великим князем Киевским. Ты получишь тогда Переяславль на Днепре.

- Когда ещё это будет, и будет ли! А прежде что мне делать? Яблоки жевать да косточки в окно плевать, как тот юродивый?!

И Ростислав плюнул на пол. Повернулся и, громко топая, поднялся по лестнице. Хлопнула дверь. Юрий задумчиво вертел своими длинными, тонкими пальцами витую восковую свечку.

- Слишком многое должно соединиться в одном человеке, чтобы он смог стать князем на Руси и достойно нести свою ношу. Среди моих сынов пока не вижу такого. Ты, Андрей, молитвенник и хозяйственник. Глеб - воин, а в мирном управлении мало понимает, не интересно оно ему. А Ростислав... Вырос, возмужал, а сам как дитя. Только забавы ему подавай.

- Прости, батюшка, что раньше тебе не говорил... Изяслав предлагал Ростиславу союз. Обещал дать ему волости за признание его старшим вперёд тебя. Ещё год назад.

Глаза Юрия замерцали.

- Вот как!..

- Думал я, что брат склонится к моим словам...

- И не хотел рассорить его со мной?

Андрей молча кивнул.

- Сомневаюсь, что он всерьёз рассчитывает получить удел от Изяслава. Да и получить - не значит сохранить. Там и без него князья толкуются как гуси на кормушке, выхватывают города друг у друга.

Наверху на Юрия набежали внуки. Дети Ростислава обожали своего дедушку.

- Деда, а ты покажешь мне коника? - запищала четырёхлетняя Ефросинья.

Юрий, смеясь, посадил малютку себе на плечи и, придерживая её, «поскакал» по переходу. Мстислав считал, что солидность его шести лет даёт ему право говорить со взрослыми

на равных и завёл с дядей Андреем беседу о способах сабельной рубки, тут же похваставшись, что своей маленькой саблей с одного раза срубил тряпичное чучелко.

* * *

Изяслав вновь неожиданно напал на Святослава Ольговича и Владимира Черниговского, пожёг их сёла и города по Десне, всё разграбил и увёл много народу. На помощь вышел было Глеб Юрьевич из Городца-Остёрского, но битва была им проиграна. Понимая, что на юге у его сторонников недостаточно сил, Юрий вызвал Ростислава и поручил ему вести рать в Чернигов, на помощь Владимиру Давыдовичу. Ростислав отправился в путь, взяв с собой не только дружину, но также жену и детей.

В декабре 1147 года новым патриархом стал Николай Музалон, в Суздаль эта весть попала спустя полгода. Её привёз Евфимий Переяславский, который был крайне встревожен из-за затянувшегося заточения владыки Нифонта. Юрий принял гостя с большим почётом, выслушал его и пообещал отправить посольство в Царьград, чтобы сообщить о пленении великим князем епископа новгородского. Когда этот вопрос был решён, Евфимий заговорил о другом.

- Ты - достойнейший из князей русских, и я хотел бы сообщать тебе только хорошие вести. Но увы...

Юрий вопросительно посмотрел на него.

- Твой сын Ростислав переметнулся на сторону Изяслава Мстиславича.

Князь откинулся на спинку кресла, ошеломлённо глядя на епископа.

- Он приехал в Киев, поклонился Изяславу Мстиславичу и признал его старшинство в Русской земле. Сказал, что ты его, мол, переобидел, удела не дал.

Юрий провёл ладонью по лицу.

- Вместе с детьми стал заложником Изяслава и вдобавок усилил его рать своей дружиной!

- Да, княже.

- Это моя вина... После того, как Ростислав провалил несколько важных поручений, я старался проверять каждый его шаг, а зря. Он честолюбив, нужно было больше ему доверять сначала в малых делах, глядишь - опыт и пришёл бы со временем.

- Боюсь, что он просто завистлив, и вернётся, когда поймёт, что для Изяслава он не более чем оружие.

- Дай Бог, чтобы живым.

- Об этом я сам буду ежедён молить Господа.

Узнав, что у отца гостит Евфимий, Андрей приехал в Суздаль, поклонился епископу и испросил его благословения, а вечером явился к отцу, чтобы узнать новости.

- Я намерен по просьбе владыки Евфимия отправить посольство в Царьград, рассказать о незаконном избрании митрополита и пленении епископа новгородского за то, что он противостоял Изяславу, - Юрий помахал в воздухе свёрнутой грамотой.

- Там встанут на дыбы, как только узнают.

- Жаль, что разбираться с Изяславом нам всё равно придётся самим. Мой брат Вячеслав слаб характером, но чтобы соблюсти законность, мне придётся бороться за великое княжение сначала для него, а потом уже для себя.

- Не для того был убит Игорь, чтобы великое княжение оказалось в законных руках. Неугодных князей так и будут убивать одного за другим! Киев больше не может быть главным городом Руси, там всё прогнило. Батюшка! Надо переносить великое княжение сюда, на север.

- Я не просто так строю города здесь, в Залесье. Один из них со временем станет больше и сильнее всех прежних. Но это потом, когда страна будет готова к принятию новых порядков. А пока нужно держаться обычаев. Стольным градом должен остаться Киев.

В Суздаль прискакали несколько воинов из дружины Ростислава. Осознав предательский поступок своего князя, они покинули его, вернулись домой и рассказали Юрию Долгорукому подробности о том, что произошло в Киеве. По их словам, Изяслав принял старшего сына своего соперника с почестями и передал ему во владение шесть городов, включая Городец-Остёрский, из которого выгнал Глеба Юрьевича, предварительно поиздевавшись в отместку за отказ перейти на его сторону: «Иди к Ольговичам, раз к ним пришёл, пускай они дадут тебе волость». Вскоре Глеб сам вернулся к отцу и подтвердил этот рассказ.

Предательство Ростислава имело ещё одно последствие, которое сильно повредило его отцу. Не получив помощи от суздальского союзника, Владимир Давыдович и Святослав Ольгович, спасая свои волости от разорения, вынуждены были разорвать ряд с Юрием и поклясться в верности Изяславу.

Глава девятая

Епископ Мануил Смоленский был не только личным соперником Клим Смолятича, перехватившим у него смоленскую епархию, но и византийцем, преданным патриаршему престолу. Он с крайним неодобрением отнёсся к самовольному поставлению митрополита, и теперь вся смоленская епархия перешла в противостояние киевской власти. Причём это происходило с молчаливого согласия князя Ростислава Мстиславича, который хоть и был родным братом Изяслава, не всегда поддерживал проводимую им политику. Но и Клим не терял времени даром, он всем силами избавлялся от несогласных и рукополагал послушных иереев, которые в своих проповедях оправдывали всё, что делал новый митрополит и великий князь. Клим устроил настоящее гонение на Мануила, которому пришлось прервать объезд своей епархии и в ночь бежать в Смоленск, чтобы не быть похищенным и заточённым в темницу, как это произошло с новгородским епископом.

В Новгороде правил Ярослав Изяславич, сын великого князя, и сторонников его отца там было немало. Они сообщали в Киев тревожные вести. В городе поднимались волнения из-за пленения епископа Нифонта. Боярин Нежата Твердятич, чьё слово имело большой вес в городе, вёл дело к тому, чтобы Новгород откачнулся к Суздалю. Изяслав понял, что должен действовать немедленно, иначе его власть просто посыплется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.